

Обзор дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с «двойной защитой», вступлением адвоката в дело и выходом из него

2019 год

1. Установив факт наличия у доверителя защитников по соглашению, адвокат был обязан незамедлительно предпринять все действия, направленные на прекращение своего участия в деле. Участие в качестве защитника по назначению вопреки воле доверителя и при наличии у него защитников по соглашению признано Советом ненадлежащим исполнением адвокатом своих профессиональных обязанностей и повлекло применение меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 января 2019 г. с участием заявителя П., адвоката Ш. дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. от 16 августа 2018 г. ...в отношении адвоката Ш.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 12 декабря 2018 г. адвокатом Ш. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившееся в ее участии 13 августа 2018 г. в качестве защитника по назначению П., вопреки его воле и при наличии у него защитников по соглашению, в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: в предъявлении П. обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, в допросе П. в качестве обвиняемого в период времени с 15.30 по 15.52, в уведомлении старшим следователем отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления по... административному округу Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве... обвиняемого П. и его защитника об окончании следственных действий по уголовному делу... а также в ознакомлении 17 августа 2018 г. с материалами окончательного расследования этого уголовного дела.

Одновременно с этим Комиссией в Заключении сделан вывод о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений о: 1) неподдержании адвокатом Ш. устного отказа от нее со стороны доверителя П., ходатайства П. о допуске в качестве защитника адвоката Ша. и об отводе следователя Д.; 2) подписании без согласования с П. протокола ознакомления с заключением амбулаторной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении последнего (при том, что никто из защитников П. по соглашению с указанным

заключением ознакомлен не был), тем самым дав органу следствия возможность закончить предварительное следствие по делу с нарушением норм УПК РФ; 3) нереагировании на просьбы П. прекратить действия следователя Д., заключавшиеся в том, что следователь Д. зачитывал вслух постановление о привлечении П. в качестве обвиняемого в тот момент, когда П. вслух читал постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства об отказе от защитника Ш.; 4) нереагировании на просьбу П. о вызове врача, так как ввиду переживаний у него поднялось артериальное давление, – вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Ш. в заседании Совета подтвердила своевременное получение ею Заключения Комиссии и ознакомление с ним, согласилась с выводами, изложенными в Заключении, признала нарушение и просила Совет при вынесении решения принять во внимание ее возраст, наличие звания «Ветеран труда», а также отсутствие, по ее мнению, реального вреда, причиненного ее действиями доверителю П., и тот факт, что она впервые привлечена к дисциплинарной ответственности. Свои действия она объяснила ошибочным исчислением процессуальных сроков, предусмотренных ст. 50 УПК РФ, а также растерянностью, возникшей в сложной и конфликтной ситуации, в которой она оказалась впервые. Какую-либо злонамеренность своих действий, а также сговор со следователем и сам факт знакомства с ним до вступления в дело П. адвокат Ш. категорически отрицала.

Заявитель П. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Комиссии и ознакомление с ним, согласился с выводами Квалификационной комиссии и высказал свою позицию о необходимости применения к адвокату Ш. самой строгой меры дисциплинарного воздействия в виде прекращения статуса адвоката, так как, по его мнению, адвокат Ш. действовала в качестве «адвоката-дублера», и ее действия привели к увеличению срока его содержания под стражей, а равно не позволили в определенный стратегией защиты срок дать показания по существу предъявленного обвинения.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет полностью соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно, полно, всесторонне и достоверно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного производства вне разумных сомнений установлен факт совершения адвокатом Ш. дисциплинарного нарушения, выразившегося в ее участии 13 августа 2018 г. в качестве защитника по назначению П. вопреки его воле и при наличии у него защитников по соглашению, в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: в предъявлении П. обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ в допросе П. в качестве обвиняемого в период времени с 15.30 по 15.52 в уведомлении следователем обвиняемого П.

и его защитника об окончании следственных действий по уголовному делу... а также в ознакомлении 17 августа 2018 г. с материалами оконченого расследованием этого уголовного дела.

Рассматривая доводы жалобы П. о том, что адвокат Ш. приняла на себя поручение на защиту П. против его воли, зная, что у него есть защитники по соглашению, с которыми согласована стратегия защиты, Квалификационная комиссия в своем Заключении справедливо отметила, что в силу п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 настоящего кодекса. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда. В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим обвиняемым (подозреваемым), так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого. В соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение пяти суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение пяти суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то дознаватель, следователь вправе произвести данное процессуальное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных п. 2–7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

Правовой смысл требований к адвокату честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально исполнять свои обязанности, защищать права, свободы и интересы доверителей (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении (ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к осуществлению защиты по назначению следователя в порядке ч. 3 и 4 ст. 50, ст. 51 УПК РФ, раскрыт в решениях органов Адвокатской палаты города Москвы и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, исполнение решений которых является обязанностью адвоката (п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 г. (Протокол № 1) утвердил решение, в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками в качестве

дублеров, то есть при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. В этом же решении (п. 2) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать поручение на защиту лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений» (см.: «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2013. Выпуск № 4 (42); «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуск № 11–12 (121–122)).

В разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 2 марта 2004 г. указано, что в случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами гл. 15 УПК РФ. При отказе следователя вынести соответствующее постановление адвокату следует подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения следователем постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В случае отказа следователя рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с гл. 16 УПК РФ, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах государственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Бездействие адвоката в подобных ситуациях означает нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении (см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2004. Выпуски № 6 (8). С. 4–6; №№ 11–12 (13–14). С. 41–43; 2007. Выпуск № 1 (39). С. 104–106; Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы: специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы». М., 2014. С. 109–111). В разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 18 января 2016 г. отмечается, что навязывание адвокатом подозреваемому, обвиняемому

своей юридической помощи в качестве защитника недопустимо ни при каких обстоятельствах, в том числе и при осуществлении защиты по назначению. В равной мере недопустимым является такое навязывание и со стороны органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в отсутствие законных оснований для назначения защитника. Совет Адвокатской палаты города Москвы неоднократно разъяснял порядок и условия вступления адвоката в дело и осуществления им защиты по назначению, в том числе в части, касающейся неукоснительного соблюдения права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, включая отказ от него, и о недопустимости какого бы то ни было прямого или косвенного содействия в ущемлении этого права со стороны адвокатов, назначенных защитниками (см. Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», от 20 ноября 2007 г. «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвокатов-защитников по соглашению», от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению»). Эти разъяснения продолжают действовать в полном объеме и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями ч. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Исходя из указанных разъяснений, основанных, в том числе, на тех же требованиях Конституции РФ и законодательства Российской Федерации, правовых позициях Конституционного Суда РФ, которые приведены в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г., Совет Адвокатской палаты города Москвы считает недопустимым осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случаев неприятия дознавателем, следователем или судом отказа от защитника по назначению, при условии, что процессуальное поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты г. Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего

рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы отметил, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода. Процессуальное решение органа или лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее такого обоснования, а принятое лишь со ссылкой на наличие дискреционного полномочия, предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ являться законным и достаточным основанием продолжения участия в деле защитника по назначению, дублирующего защитника по соглашению, и вынуждает защитника по назначению устраниваться от участия в деле в соответствии с п. 2 настоящих разъяснений.

Вышеуказанное разъяснение подлежит безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. Их несоблюдение или ненадлежащее соблюдение влечет применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности вплоть до прекращения статуса адвоката за нарушение требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1 и 2 п.

1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2015. № 4 (130). С. 17– 21; 2016. № 3 (133). С. 85–90).

Положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») применительно к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в дело реализацию адвокатом полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, в частности, на свидания с подозреваемым, обвиняемым, на ознакомление с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, на ознакомление с иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому, на заявление ходатайств, на принесение жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя.

Согласно подп. «а» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» <http://fparf.ru>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2017. № 2 (57). С. 140–142) в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу.

Согласно п. 7 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве адвокат обязан уведомить о своем участии в деле иных адвокатов подзащитного при их наличии.

С учетом изложенных требований к профессиональному поведению адвоката Квалификационная комиссия обоснованно пришла к выводу о том, что адвокат Ш., вступив в уголовное дело в качестве защитника П. по назначению следователя 10 августа 2018 г. в условиях, исключающих возможность выяснить у доверителя наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу, поскольку следователем адвокату Ш. не были предоставлены документы, которые подтверждали бы факт надлежащего уведомления им защитников – адвокатов П. по соглашению о датах и времени производства следственных и иных процессуальных действий, не предприняла мер к тому, чтобы связаться с указанными адвокатами по телефонам, указанным в ордерах, уведомить их о своем участии

в деле и выяснить, уведомлялись ли они следователем о предстоящих следственных действиях, запланированных на 13 августа 2018 г. и ранее.

При этом, как верно отмечено Комиссией, к моменту вступления в дело адвоката Ш. срок, установленный ч. 3 ст. 50 УПК РФ для приглашения обвиняемым защитника в случае неявки его защитника по соглашению, еще не истек, что было полностью признано и самой Ш. в заседании Совета.

В соответствии с ч. 3 ст. 172 УПК РФ обвиняемый, содержащийся под стражей, извещается о дне предъявления обвинения через администрацию места содержания под стражей.

Уведомление следователя ... в адрес обвиняемого П. о дате предъявления ему обвинения 8 августа 2018 г. было направлено через администрацию ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, куда поступило и было вручено П. 8 августа 2018 г.

8 августа 2018 г. в присутствии обвиняемого П. следователем Д. был составлен акт о неявке защитников – адвокатов Кр., В., Ве., З., Ка., Ч., Кар., Ку. для производства следственных и иных процессуальных действий. Акты о неявке защитников – адвокатов П. по соглашению также составлялись 9, 10 и 13 августа 2018 г.

Тем самым обвиняемому П. стало известно о том, что ему будет предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, не ранее 8 августа 2018 г. В этот же день ему стало известно о том, что его защитники по соглашению не явились.

В соответствии с ч. 2 ст. 128 УПК РФ срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток.

Таким образом, срок, установленный ч. 3 ст. 50 УПК РФ для приглашения обвиняемым защитника по соглашению (для явки приглашенного обвиняемым защитника), истекал в 24 часа 13 августа 2018 г.

13 августа 2018 г. П. заявил ходатайство о допуске в качестве защитника адвоката Ша., то есть адвокату Ш. было известно о том, что П. реализовал свое право на приглашение защитника, предусмотренное ч. 3 ст. 50 УПК РФ, вследствие чего она не имела права осуществлять защиту П. и по данному основанию, однако адвокат Ш. на данное нарушение прав доверителя не отреагировала, место проведения следственных и иных процессуальных действий не покинула.

При таких обстоятельствах Квалификационная комиссия обоснованно пришла к выводу о том, что адвокатом Ш. указанными действиями были нарушены положения подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката и решения органов Адвокатской палаты города Москвы и Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации о недопустимости нарушения права подозреваемого, обвиняемого на выбор защитника.

При этом Совет отмечает, что сам по себе факт представления адвокатом Ш. 10 августа 2018 г., до первого свидания с доверителем, ордера в качестве

защитника П. по назначению и ее ознакомление с заключением эксперта не образуют дисциплинарного нарушения, поскольку заключение эксперта относится к числу документов, подлежащих в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства представлению для ознакомления обвиняемому и его защитнику. Реализация адвокатом этого полномочия до первого свидания с доверителем является допустимой при условии соблюдения всех иных требований к профессиональному поведению адвоката, изложенных выше. По указанным основаниям Совет признает моментом начала совершения адвокатом Ш. дисциплинарного проступка ее действия, указанные в Заключении комиссии, совершенные 13 августа 2018 г.

Соглашается Совет и с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений 1) в неподдержании адвокатом Ш. устного отказа от нее со стороны доверителя П., ходатайства П. о допуске в качестве защитника адвоката Ша. и об отводе следователя Д.; 2) в нереагировании на просьбы П. прекратить действия следователя Д., заключающиеся в том, что следователь Д. зачитывал вслух постановление о привлечении П. в качестве обвиняемого в тот момент, когда П. вслух читал постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства об отказе от защитника Ш.; 3) в нереагировании на просьбу П. о вызове врача, так как ввиду переживаний у него поднялось артериальное давление, вследствие отсутствия в этих действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В Заключении Комиссии приведены достаточные доводы, основанные на материалах дисциплинарного производства, свидетельствующие о том, что в указанной части презумпция добросовестности адвоката Ш. не была опровергнута.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Ш. за совершенное дисциплинарное нарушение, выразившееся в участии 13 августа 2018 г. в качестве защитника по назначению П., вопреки его воле и при наличии у него защитников по соглашению, в проведении ...следственных и иных процессуальных действий ..., Совет учитывает грубый и, вопреки доводам адвоката Ш., умышленный характер этих нарушений, свидетельствующий о пренебрежении адвокатом Ш. требованиями закона и многочисленными разъяснениями о надлежащем профессиональном поведении защитника по назначению, принятыми органами адвокатского самоуправления в пределах их компетенции.

Одновременно с этим Совет учитывает, что адвокат Ш. полностью признала вину в допущенном дисциплинарном нарушении, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась, является «Ветераном труда». Совет также учитывает, что допущенные адвокатом Ш. нарушения, наряду с другими обстоятельствами, послужили основанием для возвращения

дела прокурором для дополнительного расследования и последующего освобождения П. из-под стражи. Каких-либо доказательств злонамеренного сговора адвоката Ш. со следователем в материалах дисциплинарного производства не имеется.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Ш. за допущенное дисциплинарное нарушение меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

2. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката, осуществлявшего защиту по назначению, поскольку дисциплинарные обвинения не нашли своего подтверждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 29 марта 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката И. ...возбужденное по жалобе К. от 13 июня 2018 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 27 февраля 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката И., подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

Адвокат И. в заседание Совета не явился, о дне, месте и времени рассмотрения Советом дисциплинарного производства надлежащим образом извещался, представил ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

...Рассмотрев Заключение Комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, изложенными в Заключении, признавая их законными, обоснованными и мотивированными.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат И. нарушил право К. на свободный выбор адвоката-защитника, приняв участие в качестве защитника по назначению в заседании Ч. районного суда города Москвы 7 июня 2018 г. по рассмотрению ходатайства следователя о продлении К. срока содержания под стражей при наличии у последнего адвокатов-защитников, действующих на основании соглашений, не нашло своего подтверждения.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, адвокат И. вступил в дело в качестве защитника по назначению, поскольку защитники К. по соглашению, адвокаты М. и С., будучи надлежащим образом уведомленными, не явились для участия в судебном заседании.

В материалах, предоставленных следователем в Ч. районный суд города Москвы, с которыми ознакомился адвокат И. до участия в судебном заседании 7 июня 2018 г., имелись доказательства заблаговременного и надлежащего уведомления об этом заседании защитников К. и невозможности их явки.

Материалами дисциплинарного производства не опровергнуто утверждение адвоката И. о том, что он пытался связаться по телефону с защитниками К. по соглашению, но они не отвечали на звонки.

Не установлено и каких-либо негативных последствий для интересов К.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат И. до начала судебного заседания 7 июня 2018 г. не ознакомился с материалами, предоставленными следователем в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей, также не нашло своего подтверждения, поскольку заявителем К. в жалобе никаких доводов в пользу того, что при разработке процессуальной позиции адвокатом И. не были учтены какие-либо обстоятельства, следующие из предоставленных в суд следователем материалов, не приводится. Претензии в связи с некачественным оказанием юридической помощи не предъявлялись. При рассмотрении дисциплинарного производства адвокатом И. предъявлены светокопии материалов, предоставленных следователем в обоснование ходатайства, являвшегося предметом рассмотрения. Оснований считать, что с указанными материалами адвокат И. ознакомился не до рассмотрения судом ходатайства следователя, а лишь впоследствии, у Совета не имеется.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката И. не опровергнута, в связи с чем дисциплинарное производство подлежит прекращению.

3. Совет прекратил дисциплинарное разбирательство, поскольку дисциплинарное обвинение в том, что адвокат представил в дело свой ордер и провел свидание с доверителем, содержащимся под стражей, в отсутствие заключенного соглашения об оказании юридической помощи, не нашло своего подтверждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 29 марта 2019 г. с участием адвоката Р., его представителя, адвоката К. ...дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. ... возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 30 ноября 2018 г., основанному на информации руководителя Следственного отдела по К. району ГСУ СК России по К. краю...

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 27 февраля 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве... основанному на информации руководителя Следственного отдела по К. району ГСУ СК России по К. краю... подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях

(бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Р. и его представительница К. в заседании Совета подтвердили своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, полностью согласились с выводами, изложенными в Заключении.

Совет, выслушав участников дисциплинарного производства, изучив его материалы, обсудив Заключение Квалификационной комиссии, соглашается с ее выводами, основанными на верно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Не нашло своего подтверждения дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Р., действуя в своих интересах, несмотря на то, что защиту обвиняемого Г. уже осуществляет адвокат... краевой коллегией адвокатов Гу., представил в дело свой ордер... выданный Московской коллегией адвокатов «...», согласно которому на основании соглашения ему поручено осуществлять защиту Г., однако соглашение об оказании юридической помощи с ним не заключалось. Установлено, что 10 октября 2018 г. адвокат Р. заключил с гражданином П. соглашение об оказании юридической помощи... на защиту Г. в следственном отделе по К. району ГСУ СК России по К. краю. Факт заключения соглашения подтверждается объяснениями адвоката Р. и П.

Дисциплинарное обвинение адвоката Р. в том, что заявление, полученное им от его доверителя Г., было выполнено не Г., а другим лицом, также не нашло своего подтверждения. Установлено, что, вступив 15 октября 2018 г. в уголовное дело в качестве защитника Г., предъявив следователю, в производстве которого находилось уголовное дело, ордер... на защиту обвиняемого Г., адвокат Р. в установленном законом порядке посетил обвиняемого Г., содержащегося под стражей в ФКУ СИЗО-... ГУФСИН России... где провел с ним конфиденциальную беседу. Факт посещения адвокатом Р. обвиняемого Г. в ФКУ СИЗО-... ГУФСИН России... именно 15 октября 2018 г., помимо сведений, содержащихся в письме руководителя Следственного отдела по К. району ГСУ СК России по К. краю... от 2 ноября 2018 г. на имя начальника Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве, подтверждается также ответом начальника ФКУ СИЗО-... ГУФСИН России... от 15 февраля 2019 г. ...на запрос Президента Адвокатской палаты города Москвы... Более того, на это посещение Г. следователь выдал адвокату Р. письменное разрешение.

Заявление обвиняемого Г. на имя следователя... от 24 октября 2018 г., вопреки утверждениям руководителя следственного отдела по К. району ГСУ СК России по К. краю... не противоречит содержанию заявления Г. на имя адвоката Р., выполненного доверителем собственноручно 15 октября 2018 г. на листке из блокнота адвоката Р.

24 октября 2018 г. в собственноручном заявлении на имя следователя Г. указал лишь то, что он отказывается от защитника Р., настаивает на том, чтобы

его защиту осуществляла назначенная ему адвокат Гу., но не опроверг свое предыдущее заявления с просьбой о том, чтобы его защищал адвокат Р.

В силу ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого.

В соответствии с п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Таким образом, закон устанавливает возможность заключения с адвокатом соглашения на защиту любым лицом, а не только самим обвиняемым (подозреваемым) или его родственником и не содержит запрета на заключение соглашения в пользу третьего лица до получения согласия лица, в интересах которого оно заключено. При этом форма такого согласия законодателем не установлена.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката Р. не опровергнута представленными заявителем доказательствами, в связи с чем дисциплинарное производство в отношении него подлежит прекращению.

... Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве... основанному на информации от руководителя Следственного отдела по К. району ГСУ СК России по К. краю... вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

4. Дисциплинарное производство прекращено, поскольку адвокат после заявленного подсудимым в судебном заседании письменного отказа от его помощи в качестве защитника и передачи ему заявления о расторжении соглашения действовал в соответствии с разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 27 июня 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи Ч. районного суда города Москвы... от 15 февраля 2019 г. ...в отношении адвоката Ш.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 22 мая 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ш. по обращению судьи Ч. районного суда города Москвы... от 15 февраля 2019 г., подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Ш. в заседание Совета не явился, представил ходатайство с просьбой рассмотреть настоящее дисциплинарное производство в его отсутствие.

...Совет, изучив материалы дисциплинарного производства, доводы, изложенные в обращении судьи Ч. районного суда города Москвы... от 15 февраля 2019 г., обсудив заключение Квалификационной комиссии, полностью соглашается с выводами Квалификационной комиссии, основанными на верно и полно установленных ею фактических обстоятельствах.

Дисциплинарное обвинение в адрес адвоката Ш. в том, что он 15 февраля 2019 г. не имел оснований самовольно покинуть судебное заседание, поскольку суд не принял отказ подсудимого Г. от его помощи в качестве защитника, не нашло своего подтверждения.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что адвокат Ш. после заявленного подсудимым Г. в судебном заседании письменного ходатайства об отказе от его помощи в качестве защитника и передачи ему заявления о расторжении соглашения от 15 февраля 2019 г. действовал в соответствии с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы № 3 от 20 ноября 2007 г. по вопросам профессиональной этики адвоката «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвоката-защитника по соглашению», в которых указано, что согласно ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение об оказании юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор, вопросы расторжения которого регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации с изъятиями, предусмотренными настоящим федеральным законом. Статья 450 ГК РФ допускает возможность изменения и расторжения договора по соглашению сторон, если иное не предусмотрено самим кодексом, другими законами или договором. Единственное изъятие из этого правила, сформулированное в подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», «Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты», означает запрет расторгать соглашение на защиту в одностороннем порядке по инициативе адвоката, но не лишает такого права доверителя.

Доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент производства по уголовному делу, что ликвидирует само основание участия адвоката в уголовном судопроизводстве в силу общего правила о

последствиях расторжения гражданско-правового договора, установленного п. 2 ст. 453 ГК РФ: «При расторжении договора обязательства сторон прекращаются». В отличие от отказа обвиняемого (подозреваемого) от защитника, который подлежит разрешению судом, прокурором, следователем и дознавателем, расторжение соглашения является юридическим фактом, лишающим адвоката права осуществлять какие-либо процессуальные действия в интересах своего бывшего подзащитного (подписывать процессуальные документы, участвовать в проведении следственных действий, выступать в прениях и т. д.).

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу, что презумпция добросовестности адвоката Ш. не опровергнута, и им при обстоятельствах, описанных в обращении заявителя, не допущено нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

5. Адвокат, участвуя в качестве защитника по назначению, при наличии у обвиняемого защитника по соглашению обязан проверить и получить конкретные документальные доказательства, подтверждающие надлежащее уведомление следователем защитника по соглашению о дате и времени судебного заседания. За нарушение этого требования адвокату объявлено предупреждение.

Совет Адвокатской палаты города Москвы ..., рассмотрев с участием адвоката Ч., представителя заявителя – адвоката И. – адвоката Г. в закрытом заседании 30 апреля 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч., возбужденное по жалобе адвоката И. (вх. № ... от 26.02.2019), установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 27 марта 2019 года адвокат Ч. допустил нарушение взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (участвуя в судопроизводстве, ... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства), выразившееся в его участии 27 декабря 2018 года в качестве защитника по назначению обвиняемого З. в судебном заседании Ч-го районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении З. срока содержания под стражей, при наличии у З. защитника по соглашению – адвоката И. и отсутствии доказательств, подтверждающих надлежащее уведомление последнего следователем о дате и времени судебного заседания.

В оставшейся части дисциплинарное производство тем же Заключением признано подлежащим прекращению.

Адвокат Ч. в заседании Совета с Заключением Квалификационной комиссии не согласился в части, касающейся установленного в его действиях нарушения, представил в Совет письменные возражения от 29 апреля 2019

года (вх. № ... от 29.04.2019), в которых указал, что данный вывод «является неожиданным, если учесть, что этим же заключением комиссии участие адвоката Ч. по назначению органов следствия при проведении следственных действий: допроса З. в качестве подозреваемого и обвиняемого, очной ставки с потерпевшим и предъявления обвинения, признано правомерным, не ущемляющим права обвиняемого, не нарушающим уголовно-процессуальное законодательство об адвокатуре». В заседании Совета адвокат Ч. дополнительно сообщил, что к моменту участия в судебном заседании 27 декабря 2018 года он уже вступил в это уголовное дело в качестве защитника по назначению. В связи с этим считает, что обязан был исполнять требование о невозможности добровольного отказа адвоката от защиты. Поэтому, когда суд отказал в его «отводе», он не мог отказаться от защиты З. Суд согласился со следователем, что адвокат И. был надлежащим образом уведомлен о дате и времени судебного заседания. Следователь в рапорте указал, что с 24 по 27 декабря 2018 года он звонил адвокату И. Адвокат Ч. ссылается на представленные в Совет возражения, в которых, по его мнению, проиллюстрирована недобросовестность адвоката И. Помимо этого, адвокат Ч. обращает внимание на то, что его участие в судебном заседании 27 декабря 2018 года не было обусловлено корыстными мотивами, он выполнял свой профессиональный долг. А сам получатель юридической помощи – З. – не обращался с жалобой на него.

Представитель заявителя – адвоката И. – адвокат Г. в заседании Совета с Заключением Квалификационной комиссии согласился в полном объеме и дополнительно сообщил, что для З. последствия выразились в том, что он был лишен возможности защищать себя посредством выбранного им защитника. Применительно к дисциплинарному взысканию, считает, что за такой дисциплинарный проступок адвокат Ч. должен быть лишен статуса адвоката.

Рассмотрев настоящее дисциплинарное производство, выслушав его участников, Совет в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии от 27 марта 2019 года и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что 05 июля 2018 года адвокат Ч. вступил в уголовное дело в качестве защитника З. по назначению следователя, предъявив ордер серия МА № ... от 05 июля 2018 года, и участвовал в отдельных следственных и процессуальных действиях, подробно описанных в Заключении Квалификационной комиссии (С. 14). В период с июля по декабрь 2018 года состоялось несколько судебных заседаний по избранию и продлению обвиняемому З. меры пресечения в виде заключения под стражу. В качестве защитника обвиняемого З. в отдельных судебных заседаниях принимал участие адвокат И.

27 декабря 2018 года состоялось очередное судебное заседание Ч-го районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении З. срока содержания под стражей. Защиту обвиняемого З. в суде по назначению осуществлял адвокат Ч.

В судебном заседании З. было заявлено устное ходатайство об отказе от защитника, назначенного судом. Ходатайство мотивировано тем, что защитник З. по соглашению - адвокат И. не был извещен надлежащим образом о предстоящем судебном заседании. Аналогичное письменное ходатайство З. было приобщено к материалу.

Высказывая свое мнение по заявленному З. ходатайству об отказе от него, адвокат Ч., с учетом удостоверенных судом 04 марта 2019 года замечаний на протокол судебного заседания, сообщил следующее: «Поддерживаю подзащитного. Я осуществлял защиту при задержании 05 июля 2018 года. В настоящее время мне неизвестно, был ли отказ от меня. Следователем неоднократно были осуществлены звонки адвокату И., но только он не брал трубку. Учитывая, что я ранее был назначен на основании ст. 51 УПК РФ, то оставляю данный вопрос на усмотрение суда».

Протокольным постановлением суда в удовлетворении ходатайства обвиняемого З. отказано. Суд счел, что адвокат И. заблаговременно уведомлен о дате и месте проведения судебного заседания, поэтому следователем в порядке ст. 51 УПК РФ приглашен защитник, который ранее принимал участие в процессуальных действиях по данному уголовному делу.

Постановлением Ч-го районного суда города Москвы от 27 декабря 2018 года срок содержания З. под стражей был продлен на один месяц, а всего до семи месяцев, то есть до 04 февраля 2019 года.

Указанное постановление суда было обжаловано адвокатом Ч. в апелляционном порядке. Обвиняемым З. и его защитником по соглашению - адвокатом И. апелляционные жалобы не подавались.

Апелляционным постановлением М-го городского суда от 28 января 2019 года по делу № ... постановление Ч-го районного суда города Москвы от 27 декабря 2018 года о продлении З. срока содержания под стражей оставлено без изменения, апелляционная жалоба защитника – адвоката Ч. без удовлетворения. Защиту З. в суде апелляционной инстанции осуществлял адвокат Д.

04 марта 2019 года адвокатом Ч. на протокол судебного заседания Ч-го районного суда города Москвы от 27 декабря 2018 года поданы замечания, которые удостоверены в полном объеме постановлением судьи ... Л. от 04 марта 2019 года.

Давая оценку действиям (бездействию) адвоката Ч. в ходе судебного заседания Ч-го районного суда города Москвы 27 декабря 2018 года в части определения правовых и этических условий для участия в указанном судебном заседании, Совет обращает внимание на ранее сформированную позицию о том, что адвокат, назначаемый судом, следователем или дознавателем для оказания квалифицированной юридической помощи обвиняемому (подозреваемому) в уголовном судопроизводстве, обязан уважать право последнего на свободный выбор адвоката (защитника). Если в материалах уголовного дела имеются сведения о том, что подозреваемый (обвиняемый) обеспечен адвокатом (защитником), приглашенным им или с его согласия

третьими лицами, то назначенный адвокат обязан выяснить, надлежащим ли образом уведомлен приглашенный адвокат (защитник) о дне, времени и месте производства процессуального действия. С целью получения указанной информации назначенный адвокат (защитник) обязан обратиться к лицам, ведущим производство по уголовному делу. В зависимости от характера полученной информации адвокат (защитник) должен принять решение, продолжать участвовать в процессуальном действии или заявить ходатайство об его отложении (Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2011. Выпуск № 4,5,6 (90,91,92). С. 43-44).

В рассматриваемой ситуации Совет обращает внимание, что именно характер полученной информации о якобы надлежащем уведомлении следователем СО ОМВД России по району ... города Москвы С. защитника обвиняемого З. – адвоката И. – о дате и времени судебного заседания Ч-го районного суда города Москвы не позволял адвокату Ч. быть достаточным образом убежденным в том, что надлежащее уведомление действительно имело место. Совет отмечает, что источником сведений о якобы надлежащем уведомлении адвоката И. являлся следователь С. Эти сведения изложены в его рапорте на имя федерального судьи Л. от 27 декабря 2018 года и в устных объяснениях суду в ходе судебного заседания 27 декабря 2018 года, отраженных в протоколе судебного заседания. При этом в рапорте следователя С. указывается: «Докладываю Вам, что защитник обвиняемого З. – И. был мною в надлежащем порядке уведомлен о времени и месте проведения заседания о решении вопроса о продлении срока содержания З. под стражей, однако в период времени с 24.12.18 г. по 27.12.18 г. И. на телефонные звонки не отвечал». В судебном заседании следователь С. сообщил суду, что он якобы 21 декабря 2018 года уведомлял адвоката И. о дате и месте судебного заседания. Но после этого решил вновь связаться с адвокатом И. 25 декабря 2018 года, но трубку тот не снимал. Он также пытался связаться с указанным адвокатом с 25 декабря 2018 года по 27 декабря 2018 года. Звонил следователь С. по номеру телефона, указанному в ордере.

Анализируя сведения о якобы надлежащем уведомлении следователем С. адвоката И., Совет считает необходимым обратить внимание на несколько важных обстоятельств. Во-первых, ни одно из объяснений следователя (в письменном и устном виде) не было подкреплено объективными верифицируемыми доказательствами (распиской в получении уведомления, почтовым отправлением, сведениями о соединении абонентов и абонентских устройств с указанием на дату, время звонка и длительности соединения, какими-либо другими доказательствами). Во-вторых, устные и письменные (рапорт) объяснения следователя содержат разную по степени детализации информацию о дате уведомления адвоката И. – в устных объяснениях суду указывается на дату уведомления – 21 декабря 2018 года, тогда как в рапорте такой информации вообще не содержится, а указывается лишь на то, что «И. был мною в надлежащем порядке уведомлен о времени и месте проведения заседания». В-третьих, в объяснениях следователя не указывается, каким

образом 21 декабря 2018 года адвокат И. был уведомлен следователем С. Наконец, в-четвертых, предоставленная следователем информация об уведомлении адвоката И. содержит неясные противоречивые сведения: если адвокат И. был надлежащим образом уведомлен следователем 21 декабря 2018 года, то зачем «повторно добиваться его уведомления» в период с 25 по 27 декабря 2018 года?

Квалификационная комиссия в своих Заключениях и Совет в своих Решениях неоднократно разъясняли, что только верифицируемая информация, подтвержденная конкретными объективными доказательствами, может служить надлежащим уведомлением о дате и времени проведения процессуального действия. Пояснения (объяснения, рапорт) следователя об уведомлении защитника по соглашению в отсутствие объективного доказательства не могут быть признаны надлежащим уведомлением и являться основанием принятия решения защитником по назначению об участии в процессуальном действии в связи с неявкой защитника по соглашению.

Оценивая доводы адвоката Ч., изложенные в письменных возражениях от 29 апреля 2019 года (вх. № ... от 29.04.2019), Совет отмечает, что оценка надлежащего уведомления защитника по соглашению со стороны органов адвокатского сообщества, органов судебной власти или следственных органов может быть различной. Между тем, именно к компетенции органов адвокатского самоуправления относится вопрос о надлежащем профессионально-этическом поведении адвоката в конкретной процессуальной ситуации, в то время как суд или следователь оценивают данные обстоятельства исключительно с точки зрения требований уголовно-процессуального законодательства. В Заключении Квалификационной комиссии в полном объеме приведены правовое обоснование и условия участия защитника по назначению в процессуальном действии при наличии в уголовном деле защитника по соглашению (см. с. 16-22), с которым Совет полностью соглашается.

То обстоятельство, что Квалификационная комиссия признала вступление адвоката Ч. в уголовное дело в качестве защитника по назначению, его участие в отдельных следственных и процессуальных действиях отвечающим профессиональным и этическим требованиям, не означает, что все последующие действия адвоката Ч. также являются надлежащими. Вступление защитника по назначению в уголовное дело при наличии защитника по соглашению с соблюдением всех описанных в Заключении Квалификационной комиссии условий само по себе не означает, что в последующем защитник по назначению обязан принимать участие в каждом процессуальном действии. Вступив в уголовное дело, защитник по назначению перед каждым процессуальным действием обязан проверить наличие условий для продолжения своего участия и совершить действия, подробно описанные в разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката (см. с. 17-20

Заключения Квалификационной комиссии). Исполнение требования о невозможности участия в процессуальном действии в качестве защитника по назначению при условии ненадлежащего уведомления защитника по соглашению не является отказом от защиты.

Что же касается ссылки адвоката Ч. на принцип непрерывности, закрепленный в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года, которым утвержден «Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве» (и который не действовал на момент его участия в судебном заседании 27 декабря 2018 года), то Совет обращает внимание, что принцип непрерывности защиты «означает участие одного и того же адвоката в уголовном деле с момента назначения до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством, настоящим Порядком и Региональными правилами» (п. 3.4).

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 года (Протокол № 1) утвердил Решение, в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублёров, то есть, при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключённых ими соглашений. Этим же Решением (п. 2) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать поручение на защиту лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключённых соглашений» (Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2013. Выпуск № 4 (42), Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2013. Выпуск № 11-12 (121-122)). В связи с этим ссылка адвоката Ч. на принцип непрерывности при условии участия в уголовном деле защитника по соглашению явно необоснованна.

При указанных обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Ч. опровергнутой, а его вину в совершении вышеуказанных нарушений установленной.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката Ч. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что оно является умышленным и нарушающим конституционное право на защиту избранным обвиняемым защитником. Совет полагает, что недопустимое профессиональное поведение адвоката Ч. наносит вред авторитету адвокатуры и дискредитирует ее среди получателей юридической помощи. Вместе с тем, Совет учитывает тот факт, что адвокат Ч. в ходе судебного заседания Ч-го районного суда города Москвы 27 декабря 2018 года при реализации позиции обвиняемого З. по вопросу о продлении срока содержания под стражей действовал в его интересах, поддержал позицию своего подзащитного и

обжаловал в суд апелляционной инстанции постановление о продлении обвиняемому срока содержания под стражей. С учётом совокупности установленных по делу обстоятельств Совет приходит к выводу о применении к адвокату Ч. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно с этим Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства по жалобе адвоката И. без даты (вх. № ... от 17.12.2018) в части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат Ч. не потребовал свидания с З. наедине и не провел с ним беседу об обстоятельствах уголовного преследования, и по жалобе адвоката И. без даты (вх. № ... от 26.02.2019) в части доводов - в том, что в ходе судебного заседания Ч-го районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении З. срока содержания под стражей, имевшего место 27 декабря 2018 года, адвокат Ч. не разделил позицию доверителя З. о невозможности рассмотрения ходатайства органа следствия в отсутствие его защитника по соглашению, а также в части доводов о том, что в угоду стороне обвинения адвокатом Ч. не были предприняты эффективные меры для защиты прав своего доверителя З., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Квалификационная комиссия объективно установила источник сведений с описанием претензий к качеству юридической помощи и правильно применила позицию дисциплинарных органов, согласно которой при отсутствии претензий к качеству оказываемой правовой помощи со стороны доверителя (лица, которому непосредственно оказывалась юридическая помощь) дисциплинарное производство не должно возбуждаться, а уже возбужденное подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства (пп. 6 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката). Из материалов дисциплинарного производства следует, что подзащитный адвоката Ч. – обвиняемый З. с жалобой на адвоката Ч. в указанной выше части не обращался, в связи с чем вывод Квалификационной комиссии является обоснованным.

Совет также соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Квалификационной комиссией на основе всей совокупности доказательств установлено, что адвокат Ч. вступил в уголовное дело на основании письменного запроса следователя, направленного в адвокатское

образование, в условиях, когда защитник подозреваемого З., задержанного в порядке ст. 91 УПК РФ и содержащегося в ИВС УВД по ... АО ГУ МВД России по городу Москве, не имел возможности принять участие в проведении неотложных следственных действий, запланированных на 05 июля 2018 года с участием доверителя ввиду профессиональной занятости, о чем лично уведомил следователя на письменном уведомлении № ... от 05 июля 2018 года, собственноручно указав: «В связи с загруженностью по другим уголовным делам прошу перенести следственные действия на 06.07.2018». Отсутствие возможности у защитника по соглашению – адвоката И. принять участие в неотложных следственных действиях с подозреваемым З. непосредственно после его задержания явилось обстоятельством, обусловившим появление в уголовном деле в качестве защитника по назначению адвоката Ч. Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что в описанной ситуации адвокат Ч. не нарушил условий вступления защитника по назначению в уголовное дело при наличии защитника по соглашению, изложенных в разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката.

6. Совет прекратил дисциплинарное производство, указав, что адвокат, находясь в сложной ситуации, хотя и не в полной мере исполнил требования, содержащиеся в Разъяснении Совета, но совершил ряд необходимых и важных действий, направленных на соблюдение права обвиняемого пользоваться помощью выбранных им защитников, и в его действиях отсутствует вина в совершении дисциплинарного проступка.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 октября 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе Р. от 19 июня 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 9 октября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката К. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

Заявитель Р. и адвокат К., надлежащим образом извещенные о дне, времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, в заседание Совета не явились.

...Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о прекращении дисциплинарного производства, однако считает необходимым изменить мотивировку, приведенную Комиссией в обоснование этого вывода. Приходя к такому решению, Совет исходит из следующего.

Квалификационная комиссия правильно установила и описала в Заключении фактические обстоятельства проведения судебных заседаний М.

городского суда 16 и 18 апреля 2019 г., а также действия адвоката К. в ходе судебного заседания 18 апреля 2019 г. по рассмотрению апелляционных жалоб защиты на постановление Б. районного суда города Москвы от 14 марта 2019 г., в соответствии с которым обвиняемым Р., Ю. и И. продлены сроки содержания под стражей. В частности, в защиту обвиняемого Р. с апелляционной жалобой обратился его защитник по соглашению, адвокат С.

В судебном заседании М. городского суда 16 апреля 2019 г. с целью выполнения требований уголовного-процессуального закона и рассмотрения замечаний обвиняемых И. и Ю. на протокол судебного заседания принято решение об отложении рассмотрения материала на 18 апреля 2019 г., в 11.00. Защитник обвиняемого Р., адвокат С., категорически возражал против назначения судебного заседания на указанную дату в связи с необходимостью его участия в ранее назначенном судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей в... городском суде М. области. О невозможности своего участия именно 18 апреля 2019 г., в дату, на которую было отложено судебное заседание, защитник обвиняемого Р., адвокат С., незамедлительно, с указанием уважительной причины, сообщил в судебном извещении и электронном письме, направленном по официальному электронному адресу М. городского суда... и просил отложить рассмотрение материала на любой день после 18 апреля 2019 г., приложив извещения... городского суда М. области о назначении судебных заседаний на 17 и 18 апреля 2019 г.

16 апреля 2019 г., в 17.34, судья М. городского суда А. разместила в АИС Адвокатской палаты города Москвы заявку на осуществление защиты Р. в М. городском суде в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ. Указанную заявку принял адвокат К., которому адвокатской конторой №... Коллегии адвокатов «...» 17 апреля 2019 г. выдан ордер... на осуществление защиты Р. в М. городском суде.

17 апреля 2019 г. адвокат К. в М. городском суде ознакомился с материалом в отношении Р. и других обвиняемых.

18 апреля 2019 г. адвокат С. в судебное заседание М. городского суда по рассмотрению материала... в апелляционном порядке не явился по указанной выше уважительной причине. Адвокат К. явился в указанное судебное заседание и принял участие в нем в качестве назначенного защитника обвиняемого Р.

После объявления председательствующим состава суда, а также участников судебного разбирательства обвиняемый Р. заявил отвод председательствующему, мотивировав его тем, что: «Мы не просили назначать нам адвокатов в порядке ст. 51 УПК РФ». Адвокатом К. заявленный отвод поддержан. Постановлением суда в отводе председательствующему отказано.

После разъяснения председательствующим прав и обязанностей участникам процесса обвиняемый Р. попросил объявить перерыв для согласования позиции с адвокатом, назначенным в порядке ст. 51 УПК РФ, указав, что он не обращался с просьбой о назначении ему этого адвоката, что

нарушает его права и обязанности. Заявленное Р. ходатайство адвокатом К. поддержано. Постановлением суда судебное заседание продолжено в прежнем составе.

Затем в судебном заседании был объявлен перерыв для ознакомления с постановлениями суда о рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания, об отказе в восстановлении срока апелляционного обжалования обвиняемому И. и для консультаций обвиняемых с адвокатами.

В дальнейшем при рассмотрении вопроса об истребовании документа, на основании которого ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей трех обвиняемых рассматриваются в одном судебном заседании, обвиняемый Р. отказался выразить свое мнение. Адвокат К. оставил данный вопрос на усмотрение суда.

После этого обвиняемый Р. обратился с ходатайством об ознакомлении его с обращением о назначении ему защитника на основании ст. 51 УПК РФ и об отложении судебного разбирательства ввиду нарушения его права на защиту. Адвокат К. заявленное Р. ходатайство поддержал, указав, что у Р. имеется защитник – адвокат по соглашению, и Р. не выражал согласия на вступление в дело адвоката по назначению. Суд постановил отказать в удовлетворении заявленного Р. ходатайства, поскольку его адвокат был извещен надлежащим образом о дате и времени судебного заседания, процессуальным законодательством предусмотрен сокращенный, трехдневный, срок для рассмотрения материалов о продлении срока содержания под стражей, и суд не вправе его нарушать.

В дальнейшем при рассмотрении различных процессуальных вопросов (об освобождении от участия в процессе защитников иных обвиняемых, назначенных в соответствии со ст. 51 УПК РФ, ввиду прибытия защитников-адвокатов по соглашению, об отложении рассмотрения дела, приобщении к материалу документов, предоставленных адвокатами иных обвиняемых, истребовании документов, о вызове свидетелей) обвиняемый Р. заявлял о невозможности высказать по ним свое мнение, так как он лишен права на защиту и, соответственно, лишен возможности участия в судебном заседании. Адвокат К. по вопросам о замене иных защитников высказывался нейтрально, не возражал против ходатайств или оставлял их на усмотрение суда. Ходатайства об отложении рассмотрения материала по различным основаниям о приобщении документов, предоставленных иными адвокатами, адвокат К. поддерживал.

Заявленный впоследствии адвокатом И. отвод председательствующему обвиняемый Р. и адвокат К. поддержали.

После этого председательствующая судья проинформировала участников разбирательства о том, что адвокаты С., П., Г. и Г-в, извещенные надлежащим образом о дате, времени и месте судебного заседания, для участия в нем не явились, и повторно поставила на обсуждение вопрос о возможности рассмотрения апелляционных жалоб при такой явке. Обвиняемый Р. против рассмотрения жалоб возражал, указывая, что он не может реализовать свое

право на защиту и выстроить «линию защиты», так как отсутствует его адвокат по соглашению. Адвокат К. позицию Р. поддержал.

На стадии судебного следствия после того, как судья... доложила материал, обвиняемый Р. заявил, что он не знает позицию своего адвоката, в связи с чем не может участвовать в судебном заседании и выразить свое мнение по обсуждаемым вопросам. Адвокат К. поддержал доводы апелляционных жалоб.

По вопросу о возможности рассмотрения апелляционных жалоб без повторной проверки материалов, которые были исследованы судом первой инстанции, адвокат К. сказал, что считает это возможным, а обвиняемый Р. заявил, что он лишен права на защиту и не может высказать свое мнение.

В судебных прениях обвиняемый Р. повторно заявил, что не обращался с просьбой о назначении ему защитника в порядке ст. 51 УПК РФ, обратил внимание на то, что ему не была предоставлена возможность конфиденциального общения с адвокатом, так как при этом присутствовал секретарь судебного заседания. Свидетельские показания не подтверждают его причастности к совершению преступления. Обвиняемый Р. обратил внимание на то обстоятельство, что в отношении него материалы судом исследованы не были, он лишен права на защиту, просил отменить постановление суда первой инстанции. Адвокат К. в своей речи сослался на нарушение в отношении Р. конституционных норм и положений УПК РФ, указав, что постановление суда первой инстанции носит формальный характер, и отметил, что суд не исследовал часть материалов, которые могли повлиять на его выводы. Адвокат К. настаивал на отсутствии подтверждения того, что обвиняемый Р. может скрыться от следствия и суда, оказывать давление на свидетелей либо иным образом воспрепятствовать производству по делу, попросил принять во внимание те обстоятельства, что Р. является гражданином РФ, имеет семью, детей, не имеет недвижимости за границей, просил постановление суда первой инстанции отменить как незаконное и необоснованное.

По результатам разбирательства судом апелляционной инстанции вынесено постановление об оставлении постановления Б. районного суда города Москвы от 14 марта 2019 г. без изменения.

Оценивая профессиональное поведение адвоката К. в сложившейся ситуации, Совет прежде всего обращает внимание на то, что судья М. городского суда... не приняла заявленный обвиняемым Р. отказ от защитника, адвоката по назначению К., со ссылкой на положения п. 9, 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», согласно которым в силу ч. 11 ст. 108, ч. 3 ст. 107, ч. 8 ст. 109 УПК РФ на постановления судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста и о продлении срока содержания под стражей или домашнего ареста либо об отказе в этом в течение трех суток со дня их вынесения могут быть принесены

в порядке, установленном ст. 389.3 УПК РФ, апелляционные жалоба, представление, подлежащие рассмотрению в тот же срок со дня поступления жалобы или представления в суд апелляционной инстанции. С учетом сокращенных сроков рассмотрения апелляционных жалоб (представления) на решения по ходатайствам об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста либо о продлении срока ее действия участники уголовного судопроизводства должны быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания в срок, достаточный для обеспечения их участия в нем.

Квалификационная комиссия посчитала достаточным основанием для участия адвоката К. в качестве защитника обвиняемого Р. при рассмотрении судом апелляционной инстанции М. городского суда 18 апреля 2019 г. апелляционных жалоб на постановление Б. районного суда города Москвы о продлении срока содержания под стражей то обстоятельство, что председательствующим судьей... ходатайства обвиняемого Р. об отказе от защитника К. и обеспечении участия в судебном заседании адвоката С. были рассмотрены и дважды отклонены судом. Отказ в удовлетворении ходатайств обвиняемого Р. суд апелляционной инстанции также мотивировал сокращенным трехдневным сроком рассмотрения материалов о продлении срока содержания под стражей, не отрицая уважительности причин неявки адвоката С. в судебное заседание 18 апреля 2019 г.

Между тем в соответствии с Разъяснением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» «...защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, при определении своей дальнейшей позиции следует исходить из следующего. В соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника необязателен для дознавателя, следователя и суда. Вместе с тем само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ, именно на орган или должностное лицо, осуществляющие от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов. Пленум Верховного Суда РФ в п. 18 Постановления от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» указал, что «Суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам

других участников процесса, поскольку в силу требований части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц”. Указанное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о недопустимости злоупотреблений правом на защиту, однако, ни в коей мере не означает, что другие участники судопроизводства, и в особенности те из них, которые осуществляют властные полномочия, могут злоупотреблять ими, тем более путем ущемления конституционного права на защиту. При этом в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 7 УПК РФ определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях высших судов РФ, Европейского Суда по правам человека в их системном истолковании, Совет Адвокатской палаты города Москвы считает, что отказ от защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению может быть не принят дознавателем, следователем или судом лишь в том случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Иными словами, непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу. Следовательно, продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода. Процессуальное решение органа или лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее такого обоснования, а принятое лишь со ссылкой на наличие дискреционного полномочия, предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может, как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ,

являться законным и достаточным основанием продолжения участия в деле защитника по назначению, дублирующего защитника по соглашению, и вынуждает защитника по назначению устраниваться от участия в деле в соответствии с п. 2 настоящих Разъяснений».

Председательствующий судья... свои протокольные постановления об отказе в удовлетворении ходатайств обвиняемого Р. об отказе от защитника К. мотивировала следующим образом:

«Отказать в удовлетворении ходатайства обвиняемого Р., принимая во внимание, что адвокаты в защиту обвиняемых были извещены надлежащим образом о дате и времени судебного заседания, предусмотрены короткие сроки для рассмотрения ходатайства о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу в течение 3 суток, и суд не вправе их нарушать» (с. 6 протокола судебного заседания от 18 апреля 2019 г.);

«Рассмотреть апелляционные жалобы при данной явке участников процесса, принимая во внимание надлежащее извещение участников процесса о дате и времени судебного заседания. Согласно материалам дела апелляционные жалобы были направлены посредством почты всем участникам процесса. Кроме того, суд принимает во внимание установленные законом сроки для рассмотрения материалов о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу в течение 3 суток» (с. 12 протокола судебного заседания от 18 апреля 2019 г.).

Как следует из содержания указанных протокольных постановлений судьи, в них отсутствуют указания на поведение обвиняемого Р. и/или его защитника по соглашению, адвоката С., противоречащее требованиям закона либо представляющее собой злоупотребление правом на защиту. Отсутствуют в них и ссылки на конкретные фактические обстоятельства, свидетельствующие о попытках дезорганизации хода судебного заседания или его срыва со стороны К. и/или его защитника по соглашению. Таким образом, в соответствии с Разъяснением Совета от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» приведенные выше протокольные постановления не могли как явно не соответствующие требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ рассматриваться в качестве достаточного основания продолжения участия в деле защитника по назначению, адвоката К., дублирующего защитника по соглашению, адвоката С. В этой ситуации правильным и полностью соответствующим интересам подзащитного профессиональным поведением адвоката К. было бы устранение от участия в деле в соответствии с пунктом 2 указанных выше Разъяснений.

Совет отмечает, что адвокат К. знал о добросовестном процессуальном поведении защитника по соглашению, адвоката С., который не только принял участие в первоначально назначенном судебном заседании М. городского суда 16 апреля 2019 г., но и незамедлительно сообщил о наличии явно уважительной причины невозможности явки в судебное заседание 18 апреля 2019 г. в связи с участием в ранее назначенном судебном заседании с участием присяжных заседателей. При этом он готов был участвовать в судебном

заседании М. городского суда начиная с 19 апреля 2019 г. При таких обстоятельствах со всей очевидностью отсутствовали какие-либо признаки недобросовестного поведения защитника по соглашению и, тем более, злоупотребления им своими правами.

В свою очередь, адвокат К., ознакомившись с материалами 17 апреля 2019 г., также знал о том, что, согласно извещению Б. районного суда города Москвы от 5 апреля 2019 г. все дополнительные документы должны подаваться напрямую в М. городской суд в срок до 10 апреля 2019 г., поскольку «не позднее, чем за 7 дней до даты рассмотрения в суде апелляционной инстанции, дело будет передано в М. городской суд» (с. 38 материалов дела). Таким образом, материалы должны были поступить в М. городской суд не позднее 9 апреля 2019 г. Следовательно, согласно требованиям п. 9, 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» судебное заседание М. городского суда должно было состояться не позднее 12 апреля 2019 г. Несмотря на это, оно было впервые назначено только на 16 апреля 2019 г., то есть с нарушением трехсуточного срока, не говоря уже о том, что предметом обжалования было постановление суда первой инстанции, вынесенное 14 марта 2019 г., более месяца назад от даты первоначально назначенного судебного заседания суда апелляционной инстанции. При таких обстоятельствах мотивировка приведенных выше протокольных постановлений суда необходимостью соблюдения трехсуточного срока рассмотрения апелляционных жалоб на постановление о продлении срока содержания под стражей явно противоречит фактическим обстоятельствам движения материалов и, в частности, их поступления в М. городской суд и срока назначения судебного заседания. В связи с этим указание на соблюдение трехсуточного срока является лишь формальной ссылкой на нормативное регулирование, сделанной без учета всех конкретных фактических обстоятельств.

Совет считает, что реализация конституционного права на защиту, неотъемлемой и основополагающей составной частью которого является право на свободный выбор защитника, имеет приоритет перед формальным соблюдением сроков рассмотрения материалов дел или уголовных дел. Это тем более верно, когда именно обвиняемый (подозреваемый), в интересах которого и установлен сокращенный срок рассмотрения апелляционной жалобы на продление срока содержания под стражей, обращается к суду с просьбой обеспечить реализацию права на защиту, понимая при этом, что данными действиями будут нарушены формальные процессуальные сроки.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокатом К. в сложившейся ситуации не в полной мере были исполнены требования, содержащиеся в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению».

В соответствии с п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката применение мер дисциплинарной ответственности возможно только тогда, когда адвокатом умышленно или по грубой неосторожности нарушены требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвокатов.

Между тем правильно установленные и указанные Квалификационной комиссией в Заключении фактические обстоятельства участия адвоката К. в судебном заседании М. городского суда 18 апреля 2019 г. свидетельствуют о том, что в его действиях отсутствовали умысел или грубая неосторожность, в том числе по отношению к ненадлежащему исполнению Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению». Совет отмечает, что сложившаяся ситуация представляла определенную сложность, при этом адвокат К. совершил ряд необходимых и значимых действий, направленных на соблюдение права обвиняемого Р. на свободный выбор защитника. Поведение адвоката К. в судебном заседании 18 апреля 2019 г. в целом свидетельствует о признании им приоритета прав доверителя и необходимости их защиты и не является недобросовестным.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что в действиях адвоката К. отсутствует вина в совершении дисциплинарного проступка, в связи с чем дисциплинарное производство в соответствующей части подлежит прекращению. Вместе с тем Совет обращает внимание адвоката К. на необходимость более тщательного анализа ситуации и неукоснительного соблюдения решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции. Совет также напоминает адвокату К. о том, что в сложной этической ситуации адвокат вправе обратиться в Совет за разъяснением, в котором ему не может быть отказано.

В оставшейся части Совет полностью соглашается с Квалификационной комиссией в оценке установленных фактических обстоятельств и ее выводах. Так, Квалификационная комиссия дала правильную оценку доводу жалобы о том, что адвокат К. 17 апреля 2019 г. не ознакомился с материалами, и не нашла оснований для удовлетворения жалобы в этой части. Комиссией приведено исчерпывающее обоснование этого вывода, которое Совет разделяет.

Применительно к доводу жалобы о том, что адвокат К. не провел с обвиняемым Р. конфиденциальную беседу с целью обсуждения позиции по делу, Совет также соглашается с Квалификационной комиссией и отмечает, что согласно протоколу судебного заседания апелляционной инстанции М. городского суда от 18 апреля 2019 г. по просьбе обвиняемого Р. в начале судебного заседания, на стадии разъяснения участникам процесса их прав и обязанностей, объявлялся перерыв для согласования Р. позиции с адвокатом К. Впоследствии, после доведения судом до участников процесса информации о результатах рассмотрения судом первой инстанции замечаний обвиняемых Ю. и И. на протокол судебного заседания, судом также объявлялся перерыв, в

том числе для консультаций обвиняемых с адвокатами. Таким образом, и это не оспаривается заявителем Р., беседа относительно позиции в судебном заседании адвокатом К. с ним была проведена, дополнительно Р. была предоставлена возможность получить консультации. В части довода о том, что беседа между адвокатом К. и обвиняемым Р. не носила конфиденциального характера, Квалификационная комиссия отмечает, что после вступления адвокатом К. 17 апреля 2019 г. в дело в качестве защитника обвиняемого Р. в суде апелляционной инстанции, учитывая назначенную дату судебного заседания 18 апреля 2019 г., возможность посетить обвиняемого Р. в следственном изоляторе, где тот находился, с целью проведения конфиденциальной беседы в следственном кабинете у адвоката К. отсутствовала. Общение посредством видео-конференц-связи с использованием аппаратуры, установленной в М. городском суде и следственном изоляторе, для адвоката К. по сути являлось единственно возможным способом проведения беседы с обвиняемым Р. Очевидно, что использование видеоконференции допускало возможность слышать разговор между обвиняемым Р. и адвокатом К. для лиц, находившихся в помещениях, где была установлена используемая для видеоконференции аппаратура, как в здании М. городского суда, так и в здании следственного изолятора. Однако учитывая фактическую невозможность иным образом обеспечить реализацию обвиняемым Р. права на общение с адвокатом К. иным способом, действия последнего по осуществлению беседы с обвиняемым Р. посредством видеоконференцсвязи не могут быть признаны упречными.

Довод заявителя Р. о «непроявлении» адвокатом К. никакой реакции на его заявления о непонимании причин участия адвоката К. в судебном заседании и незаявлении им после каждого такого заявления Р. ходатайств об объявлении перерыва Совет также отклоняет как несостоятельный. Причины, по которым адвокат К. участвует в судебном заседании, были доведены до сведения обвиняемого Р. судьей при рассмотрении заявленных Р. ходатайств об отказе от защитника, адвоката по назначению К., и обеспечении участия защитника, адвоката по соглашению С. На основании изложенного Совет рассматривает заявления обвиняемого Р. о непонимании им оснований участия адвоката К. в судебном заседании как способ выражения своего несогласия с таким участием. Соответствующее ходатайство обвиняемым Р. было заявлено, адвокатом К. поддержано и судом рассмотрено. Учитывая то, что, как указано выше, между адвокатом К. и обвиняемым Р. была проведена беседа относительно позиции в судебном заседании, непроведение адвокатом К. с обвиняемым Р. дополнительных консультаций относительно причин участия первого в судебном заседании упречным поведением не является. На этом основании в данной части дисциплинарных обвинений Совет не усматривает ненадлежащего исполнения адвокатом К. профессиональных обязанностей перед доверителем Р.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. не опровергнутой, а дисциплинарное

производство подлежащим прекращению по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

7. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку в момент вступления адвоката в дело в качестве защитника по назначению у его доверителя формально еще не было защитников по соглашению по новому уголовному делу, поэтому у адвоката не имелось препятствий для вступления в дело и участия в проведении процессуальных действий.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 октября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч., возбужденное по жалобе А. от 5 июня 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 25 сентября 2019 г. в действиях (бездействии) адвоката Ч. не установлено нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, вследствие чего Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ч. по жалобе А. от 5 июня 2019 г.

Заявитель А. и адвокат Ч., уведомленные надлежащим образом, в заседание Совета не явились, представителей не направили.

...Совет, рассмотрев Заключение Комиссии и материалы дисциплинарного производства, соглашается с выводами Квалификационной комиссии, изложенными в ее Заключении, относительно установленных фактических обстоятельств, однако считает необходимым изменить мотивировку решения о прекращении дисциплинарного производства.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве старшего следователя О. межрайонного следственного отдела СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве Б. находилось уголовное дело, возбужденное 9 октября 2017 г. в отношении А. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ. Защиту А. по уголовному делу № 117... по назначению следователя в СУ по ... АО ГСУ СК РФ по городу Москве осуществлял адвокат М.

21 мая 2019 г., в 22.10, старшим следователем Б. в автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы сформирована заявка... на осуществление защиты А. в СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве по уголовному делу № 119... Согласно указанной заявке следственные действия были запланированы на 11.30 22 мая 2019 г. Заявка распределена АИС АПМ адвокату Ч. 22 мая 2019 г. постановлением старшего следователя Б. в отношении А. возбуждено уголовное дело № 119... по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 306 УК РФ. Указанное уголовное дело принято старшим следователем Б. к своему производству.

22 мая 2019 г. с участием защитника Ч. заявитель А. был ознакомлен с постановлением старшего следователя Б. от 22 мая 2019 г. о возбуждении

уголовного дела № 119... и постановлением заместителя руководителя СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве от 22 мая 2019 г. о производстве предварительного следствия по указанному уголовному делу следственной группой, после чего в период времени с 14.45 по 15.59 был допрошен в качестве подозреваемого. При этом А. трижды заявил отказ от адвоката Ч. в связи с наличием у него другого защитника (заявление об отказе было также внесено А. в протокол допроса). Эти заявления были рассмотрены следователем Б. и оставлены без удовлетворения.

После допроса А. в качестве подозреваемого в уголовное дело в качестве его защитника по соглашению вступил адвокат Л., извещенный следователем в соответствии с требованием А. Дальнейшие следственные и иные процессуальные действия 22 мая 2019 г. проводились с участием защитника-адвоката Л., а защитник-адвокат Ч. покинул место производства следственных действий.

22 мая 2019 г., в 20.50, А. в ходе производства предварительного следствия по уголовному делу № 119... был задержан по подозрению в совершении преступления в порядке ст. 91, 92 УПК РФ. 22 мая 2019 г. уголовное дело № 117... было соединено в одно производство с уголовным делом № 119... соединенному уголовному делу присвоен номер № 117...

Рассматривая доводы жалобы А. о том, что адвокат Ч. 22 мая 2019 г. принял участие в качестве его защитника при производстве следственных и иных процессуальных действий при наличии у него другого защитника, адвоката М., и вопреки желанию А. пригласить для осуществления своей защиты адвоката Л., Квалификационная комиссия сочла их явно надуманными.

Исходя из положений ст. 49–51 УПК РФ, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Решением от 15 марта 2019 г. Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182), Правилами распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке статей 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также в качестве представителей в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке статьи 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 54 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», Квалификационная комиссия констатировала, что адвокатом Ч. приведенный выше порядок вступления в уголовное дело в качестве защитника по назначению был соблюден.

Согласно ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Поэтому Совет

признает, что адвокаты М. и Л. защитниками А. по уголовному делу № 119... в момент вступления в него адвоката Ч. формально не являлись. Следовательно, и у адвоката Ч. не имелось формальных препятствий для вступления в указанное уголовное дело и участия в проведении процессуальных действий, поскольку все заявления А. об отказе от адвоката Ч., поддержанные последним, были рассмотрены следователем сразу же после их заявления, и в их удовлетворении было отказано.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Ч., поскольку не усматривает в его профессиональном поведении умысла либо грубой неосторожности, в то время как согласно п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности возможно только при наличии одной из указанных форм вины.

В то же время Совет обращает внимание адвоката Ч. на следующее. Нормативные положения, регламентирующие взаимоотношения адвоката и его подзащитного, предоставляют последнему возможность реализации права на получение квалифицированной юридической помощи от того защитника, в чьей надежности и компетентности он уверен. В рассматриваемом случае это были адвокат М., являвшийся защитником А. по основному уголовному делу № 117... а также адвокат Л., ранее защищавший А. в суде по тому же делу. При этом основное уголовное дело № 117... длительное время расследовалось, и именно в связи с ним А. сделал заявление, квалифицированное следователем как заведомо ложный донос и ставшее поводом для возбуждения в отношении А. нового уголовного дела № 119... по признакам преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ. Таким образом, новое уголовное дело, в которое вступил адвокат Ч., находилось в тесной и очевидной взаимосвязи с основным уголовным делом. Оба дела до их соединения, имевшего место в тот же день, 22 мая 2019 г., находились в производстве одного и того же следователя. Более того, заявка в автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы была размещена следователем накануне возбуждения уголовного дела, 21 мая 2019 г., что свидетельствовало о спланированном характере этих действий следователя. Все эти обстоятельства были очевидны для адвоката Ч. Как следует из материалов дисциплинарного производства, именно адвокат М. с 24 мая 2019 г. защищает по соглашению заявителя по объединенному делу, в рамках которого расследуются деяния, квалифицированные по ст. 133 и 306 УК РФ. Поэтому 22 мая 2019 г. в конфликтной ситуации, когда подзащитный явно, недвусмысленно и мотивированно высказал недоверие явившемуся к нему по назначению следствия адвокату Ч., последнему следовало учесть все эти обстоятельства и выяснить, уведомялись ли адвокаты М. и/или Л. о предстоящих процессуальных действиях, для участия в которых на основании заявки следователя вызван адвокат Ч., по согласованию с А. связаться с адвокатами Л. и/или М. и выяснить у них возможность вступления во вновь

возбужденное уголовное дело, а далее действовать в зависимости от полученной информации. Именно такой алгоритм действий адвоката Ч. наиболее полно отвечал бы законным интересам А. и, следовательно, являлся бы оптимальным для самого адвоката Ч.

8. Адвокату объявлено замечание за участие в отсутствие предусмотренных законом оснований, вопреки воле обвиняемого и при наличии у него защитника по соглашению, в качестве защитника по назначению в судебном заседании по рассмотрению ходатайства об установлении обвиняемому и его защитнику по соглашению срока для ознакомления с материалами уголовного дела.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. с участием адвоката Р., ее представителя – адвоката В., заявителя – адвоката П. дисциплинарное производство в отношении адвоката Р., возбужденное по жалобе адвоката П. от 16 сентября 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 6 ноября 2019 г. адвокатом Р. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ж. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), что выразилось в принятии ею 10 сентября 2019 г. участия без предусмотренных законом оснований, вопреки воле обвиняемого Ж. и при наличии у него защитника по соглашению, в качестве защитника по назначению в судебном заседании Д. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства старшего следователя СУ по ... АО ГСУ СК РФ по городу Москве... об установлении обвиняемому Ж. и его защитнику срока ознакомления с материалами уголовного дела...

Заявитель, адвокат П., в заседании Совета с выводами Квалификационной комиссии согласился, просил применить к адвокату Р. меру дисциплинарного взыскания в виде замечания.

Адвокат Р. в заседании Совета с выводами Квалификационной комиссии согласилась частично, поддержала позицию, изложенную в письменных возражениях. Представитель адвоката Р., адвокат В., в заседании Совета поддержала позицию адвоката Р.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство и выслушав явившихся участников, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства.

9 сентября 2019 г. старший следователь СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве... направил адвокату П. уведомление о необходимости явки 10 сентября 2019 г., в 12.00, в Д. районный суд города Москвы для участия в судебном заседании по рассмотрению ходатайства органа следствия об установлении обвиняемому Ж. и его защитнику, адвокату П., срока для ознакомления с материалами уголовного дела... П. направил следователю ходатайство об отложении судебного заседания в связи с его нахождением за границей до 12 сентября 2019 г., содержащее просьбу о переносе судебного заседания на 13 сентября 2019 г. Следователь... направил в Автоматизированную информационную систему Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ) заявку на обеспечение Ж. защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, которая была распределена адвокату Р. 10 сентября 2019 г. Д. районный суд города Москвы установил обвиняемому Ж. и его защитнику адвокату П. срок для ознакомления с материалами уголовного дела... до 12 сентября 2019 г. Защиту Ж. в Д. районном суде города Москвы 10 сентября 2019 г. осуществляла адвокат Р.

Руководствуясь положениями законодательства (в первую очередь положениями ч. 3 ст. 50 УПК РФ), решениями органов Адвокатской палаты города Москвы и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, адвокат Р. до начала судебного заседания должна была разъяснить обвиняемому Ж. его право заявить отказ от нее (адвоката Р.) и помочь ему облечь этот отказ в надлежащую письменную форму (ч. 1 ст. 52 УПК РФ), поддержать отказ от адвоката, заявленный подзащитным, либо заявить свое письменное ходатайство о невозможности участия в судебном заседании в качестве адвоката-дублера. В том случае, если бы в удовлетворении заявления обвиняемого Ж. об отказе от защитника Р. судом было бы отказано, адвокату Р. следовало покинуть судебное заседание, обжаловав действия (бездействие) суда. Вместо этого адвокат Р. приняла участие 10 сентября 2019 г. в судебном заседании Д. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства старшего следователя СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве... об установлении обвиняемому Ж. и его защитнику, адвокату П., срока для ознакомления с материалами уголовного дела... что привело к нарушению права обвиняемого Ж. на свободный выбор защитника.

При таких обстоятельствах Совет признает, что адвокатом Р. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ж.

...Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Р. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что она совершила дисциплинарное нарушение впервые, а также учитывает мнение заявителя, адвоката П., о применении к адвокату Р. меры дисциплинарной

ответственности в виде замечания. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

9. Дисциплинарное производство прекращено, поскольку дисциплинарное обвинение адвоката в отказе от участия в судебном заседании в качестве назначенного защитника признано необоснованным.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) федерального судьи М. городского суда О. от 1 августа 2019 г. в отношении адвоката М.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 13 ноября 2019 г. в действиях (бездействии) адвоката М. не обнаружено нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, вследствие чего Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства.

Адвокат М., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Комиссии, в заседание Совета не явился.

...Совет, изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив Заключение Квалификационной комиссии, полностью соглашается с ее выводами, основанными на верно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Дисциплинарное обвинение в адрес адвоката в отказе 1 августа 2019 г. от участия в судебном заседании апелляционной инстанции, мотивированном тем, что у обвиняемого имеются два защитника по соглашению, не может быть признано обоснованным.

Судом не было представлено адвокату М. доказательств того обстоятельства, что обвиняемый Е. не пожелал воспользоваться предоставленным ему уголовно-процессуальным законом (ч. 3 ст. 50 УПК РФ) правом пригласить другого защитника взамен неявившегося, как не было представлено и доказательств надлежащего извещения защитников обвиняемого Е. по соглашению, К. и Е.И., о дате, месте и времени заседания суда апелляционной инстанции.

Выяснить же этот вопрос у доверителя самостоятельно адвокат М. не имел возможности, поскольку заявка была распределена ему только 31 июля 2019 г., а в судебном заседании 1 августа 2019 г. обвиняемый Е. участия не принимал. При этом в расписке обвиняемого Е. о получении им копии постановления Т. районного суда города Москвы от 12 июля 2019 г. об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, с которой адвокат

М., действуя добросовестно, ознакомился 31 июля 2019 г., доверитель указывал, что желает принимать личное участие в заседании суда апелляционной инстанции.

При таких обстоятельствах у адвоката М. имелись разумные основания полагать, что его участие 1 августа 2019 г. в судебном заседании М. городского суда по рассмотрению апелляционной жалобы адвоката К. в качестве защитника обвиняемого Е. по назначению нарушает право доверителя на свободный выбор защитника.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 г. утвердил Решение (Протокол № 1), в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками в качестве дублеров, то есть при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же Решением (п. 2) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать поручение на защиту лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений» (см.: «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2013. Выпуск № 4(42); «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуск № 11–12 (121–122)).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката (утверждено Советом Адвокатской палаты города Москвы 2 марта 2004 г.) указано, что в случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от суда вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ. При отказе суда вынести соответствующее постановление адвокату следует подать суду свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения судом постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В случае отказа суда рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) суда в соответствии с главой 16 УПК, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах государственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Бездействие адвоката в подобных ситуациях означает нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и

ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении (см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2004. Выпуск № 6(8). С. 4–6; 2004. Выпуск № 11–12 (13–14). С. 41–43; 2007. Выпуск № 1(39). С. 104–106; специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы»: сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 110–111).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката (утверждено Советом Адвокатской палаты города Москвы 18 января 2016 г.) отмечается, что навязывание адвокатом подозреваемому, обвиняемому своей юридической помощи в качестве защитника недопустимо ни при каких обстоятельствах, в том числе и при осуществлении защиты по назначению. В равной мере недопустимым является такое навязывание и со стороны органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в отсутствие законных оснований для назначения защитника. Совет Адвокатской палаты города Москвы неоднократно разъяснял порядок и условия вступления адвоката в дело и осуществления им защиты по назначению, в том числе в части, касающейся неукоснительного соблюдения права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, включая отказ от него, и о недопустимости какого бы то ни было прямого или косвенного содействия в ущемлении этого права со стороны адвокатов, назначенных защитниками (см. Разъяснения Совета от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», от 20 ноября 2007 г. «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвокатов – защитников по соглашению», от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению»). Эти разъяснения продолжают действовать в полном объеме и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Сопоставляя действия адвоката М. с приведенными выше требованиями, Совет приходит к выводу о том, что адвокат действовал в соответствии с законом и решениями органов адвокатского самоуправления, принятыми в пределах их компетенции.

Совет признает необоснованными дисциплинарные обвинения в том, что при рассмотрении уголовного дела в отношении Е. адвокат М. не реагировал на неоднократные разъяснения и предупреждения председательствующего судьи о том, что адвокат не имеет права отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого, что впоследствии привело к срыву судебного разбирательства.

Совет подчеркивает, что продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты,

нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание на такое недобросовестное поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, которое свидетельствует о нарушении ими закона либо направлено к дезорганизации судопроизводства, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода.

Процессуального решения, соответствующего этим требованиям, в рассматриваемом случае не имеется, как не имелось и законных оснований для его принятия.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката М. не опровергнута, и им при обстоятельствах, описанных в обращении судьи, не допущено нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

10. Совет, не согласившись с Заключением Квалификационной комиссии, пришел к выводу о том, что адвокат, назначенная защитником и покинувшая судебное заседание ввиду отсутствия доказательств надлежащего уведомления защитника обвиняемого по соглашению, действовала в соответствии с требованиями закона и профессиональной этики. Дисциплинарное производство прекращено.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката О. в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката О., возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи М. городского суда П. от 16 сентября 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 20 ноября 2019 г. адвокат О. допустила нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду...»), что выразилось в отказе адвоката О. от участия 16 сентября 2019 г. в судебном заседании М. городского суда по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении обвиняемому К. срока содержания под стражей и в самовольном покидании судебного заседания.

Адвокат О. в заседании Совета не согласилась с Заключением Квалификационной комиссии, подтвердила доводы своих письменных возражений от 7 декабря 2019 г. После вынесения Квалификационной комиссией Заключения она обратилась к защитнику К. по соглашению и получила от него документ, который был представлен в М. городской суд. Этот документ передавался в суд по факсу. Верифицировать документ от

следователя не представилось возможным. Исходящий номер документа не читаем.

В заседании Совета адвокат О. заявила устное ходатайство о приобщении к материалам дисциплинарного производства светокопий описи документов, имеющихся в материалах дела №... в отношении К. и И. (на 1 листе), заявления К. о согласии на представление его интересов защитником Г. (на 1 листе), уведомления следователя Б. в КА города Москвы «...» (на 1-м листе, плохо читаемое в части реквизитов и текста), уведомления следователя Б. в КА города Москвы «...» (на 1 листе), уведомления следователя Б. в КА города Москвы «...» (на 1 листе, плохо читаемое), всего на пяти листах. Совет удовлетворил ходатайство адвоката О. в полном объеме, приобщил указанные документы к материалам дисциплинарного производства.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката О., не соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, которая, правильно установив фактические обстоятельства, имеющие значение для разрешения дисциплинарного производства, дала им неверную правовую оценку.

Квалификационная комиссия в Заключении правильно указала, что 16 сентября 2019 г. адвокат О., назначенная в качестве защитника обвиняемого К. в установленном порядке, действуя на основании ордера... ознакомилась с подлежащим рассмотрению в судебном заседании материалом №... и прибыла в 13.30 в М. городской суд для участия в нем.

В судебном заседании М. городского суда 16 сентября 2019 г. следователь Б. заявила ходатайство о приобщении к материалам *«Телефонограммы адвокату К-ву, заявки в Адвокатскую палату города Москвы, уведомления КА "...» для адвоката К-ва, скриншота сообщения адвоката К-ва»*.

Суд удовлетворил ходатайство следователя Б. в полном объеме, приобщил указанные документы к материалам, после чего адвокат О. сообщила суду, что *«учитывая позицию Конституционного Суда Российской Федерации и Федеральной палаты адвокатов от 15 марта 2019 г., я заявляю самоотвод, поскольку я считаю, что достоверных данных об извещении адвоката по соглашению не представлено. Прошу рассмотреть вопрос об освобождении защитника»*. Обвиняемый К., согласно протоколу судебного заседания, не возражал, чтобы его интересы представляла адвокат О.

Рассмотрев указанное ходатайство, председательствующий судья постановил: *«Ходатайство защитника О. об освобождении ее от участия в судебном заседании оставить без удовлетворения, поскольку предоставленные следователем сведения надлежащим образом подтверждены, оснований не доверять приобщенным документам не имеется»*.

После этого адвокат О. сообщила суду: *«Я не могу присутствовать в зале суда. У нас есть разъяснения Адвокатской палаты, где всё черным по белому написано»*, – и покинула зал судебного заседания.

Квалификационная комиссия дала правильную оценку объяснениям адвоката О. в части доводов о том, что протокол судебного заседания от 16 сентября 2019 г. не отражает достоверно события, имевшие место в указанном заседании, а именно то, что фактически никакие документы следователем Б. в материалы дела 16 сентября 2019 г. не представлялись, а был представлен лишь ее рапорт об извещении адвоката К-ва. При этом обвиняемый К. изначально был против участия в качестве его защитника адвоката О. и лишь после оказанного на него председательствующим судьей психологического давления согласился на это, а также то, что заявленное адвокатом О. ходатайство председательствующий судья вообще не рассмотрел, сообщив лишь, что «подобных норм УПК РФ не содержит», и перешел к рассмотрению дела по существу. В своей оценке Квалификационная комиссия обоснованно руководствовалась положениями п. 5 ч. 3 ст. 259 УПК РФ, в соответствии с которым в протоколе указываются действия суда в том порядке, в котором они имели место в ходе судебного заседания, заявления, возражения и ходатайства участвующих в уголовном деле лиц, а также ст. 260 УПК РФ о праве участвующих в рассмотрении дела лиц, не согласных с протоколом судебного заседания, подать на него замечания. Квалификационная комиссия верно указала, что доказательств обращения адвоката О. с замечаниями на протокол судебного заседания М. городского суда от 16 сентября 2019 г. не представлено, в связи с чем при оценке действий (бездействия) адвоката О. Комиссия основывается на фактических обстоятельствах, изложенных в протоколе судебного заседания.

Правильно установив приведенные выше фактические обстоятельства, Квалификационная комиссия пришла к ошибочному выводу о том, что, покинув зал судебного заседания, адвокат О. нарушила требования уголовно-процессуального законодательства и решения органов адвокатского самоуправления.

Совет прежде всего обращает внимание на содержание документов, представленных следователем Б. в суд в целях подтверждения якобы надлежащего извещения защитника К. по соглашению, адвоката К-ва, о дате и времени судебного заседания, а именно собственноручно написанной следователем Б. «телефонограммы», датированной 16 сентября 2019 г., без указания времени и каких-либо отметок о ее передаче и получении, нечитаемым уведомлением следователя Б. в адрес Коллегии адвокатов города Москвы «...» и скриншота из неидентифицированного сервиса обмена сообщениями, якобы содержащего ответ от имени адвоката К-ва на полученное им извещение.

Анализ указанных документов свидетельствует о том, что они как по отдельности, так и в совокупности не являются достаточными и достоверными доказательствами надлежащего извещения защитника обвиняемого К. по соглашению, адвоката К-ва. Так, приобщенное к материалам уведомления в адрес Коллегии адвокатов города Москвы «...» явно нечитаемо и в силу этого вообще не может служить каким-либо доказательством. Из его содержания

невозможно установить дату составления уведомления и различить его текст. Из реквизитов уведомления не представляется возможным установить факт его отправки и доставки в Коллегию адвокатов «...». Как следует из протокола судебного заседания, следователь Б., заявляя ходатайство о приобщении документов к материалам, не сообщила дополнительных сведений, подтверждающих факт надлежащего извещения адвоката К-ва. В связи с этим остался невыясненным вопрос о том, когда и каким образом приобщенное к материалам уведомление следователя Б. с нечитаемыми датой составления и текстом поступило в Коллегию адвокатов «...». На указанном уведомлении отсутствует подпись лица, принявшего его в Коллегии адвокатов «...». Следователем не представлены доказательства отправки его каким-либо способом связи: по почте, факсу или иным образом, позволяющим идентифицировать его отправку и получение адресатом. При таких обстоятельствах оценка рассматриваемого уведомления ограничивается лишь фактом его составления следователем Б. и представления в суд.

Скриншот сообщения якобы от имени адвоката К-ва также не имеет какого-либо доказательственного значения для подтверждения факта его надлежащего извещения о дате и времени судебного заседания. Детальный анализ этого документа не позволяет признать его доказательством указанного факта в связи с тем, что невозможно идентифицировать сервис обмена сообщениями, номер абонента мобильного устройства, с которого оно было отправлено, номер абонента мобильного устройства, на который оно было отправлено, дату и время отправления и получения сообщения. При таких обстоятельствах невозможно установить, имел ли в действительности место обмен этими сообщениями, а если имел, то когда и между кем. То обстоятельство, что оно якобы подписано «адвокатом К-вым», не может с достаточной степенью достоверности свидетельствовать о том, что именно он является автором указанного сообщения. Совет отмечает тот общеизвестный факт, что современные информационные технологии позволяют любому лицу, имеющему минимальные навыки общения с сервисами обмена сообщениями, скрыв при фотографировании или копировании номера абонентов мобильных устройств, написать любой текст и выдать за его автора любое лицо.

«Телефонограмма», собственноручно написанная следователем Б. и датированная 16 сентября 2019 г. (день судебного заседания), без указания времени, также не может являться доказательством надлежащего извещения адвоката о дате и времени судебного заседания. Совет последовательно отстаивает позицию о том, что не подтвержденное объективными сведениями сообщение следователя в устной или письменной форме в различных документах (рапорте, телефонограмме, заявлении и т.п.) об извещении защитника о дне, времени и месте судебного заседания не может являться достаточным доказательством этого обстоятельства.

Совет обращает внимание на то обстоятельство, что уголовно-процессуальное законодательство РФ не предусматривает такую форму уведомления участников уголовного судопроизводства, как телефонограмма.

Анализ законодательства РФ на предмет уяснения правового основания для признания телефонограммы как формы коммуникации между субъектами свидетельствует о том, что она имеет крайне ограниченные и специально оговоренные пределы, которые позволяют идентифицировать передающих и принимающих лиц, дату и время передачи, а также дословное содержание. Так, например, телефонограмма как способ коммуникации прямо закреплена и имеет соответствующую нормативную регламентацию в Вооруженных силах Российской Федерации (см. Инструкцию по делопроизводству в Вооруженных силах Российской Федерации (ИД-2017), утвержденную приказом министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 170). Также телефонограмма используется как официальный способ коммуникации сотрудников органов внутренних дел с сотрудниками органов Федеральной службы безопасности в рамках осуществления контроля за иностранными гражданами (см. приказ МВД РФ № 612 и ФСБ РФ № 460 от 8 августа 2017 г. «О формах журнала телефонограмм и актах приема-передачи»). Каждый из субъектов коммуникации с использованием телефонограмм обязан иметь соответствующие журналы приема и получения телефонограмм с обязательными реквизитами, включая регистрационные номера и дословный учет текста телефонограммы. Сами журналы должны иметь двухстороннее расположение и предусматривать способы распознавания утери (порчи) листов.

Очевидно, что ввиду отсутствия нормативной регламентации телефонограмма не может применяться как надлежащий способ коммуникации между следователем (дознавателем) и адвокатом. Судебная практика также не считает телефонограмму достаточным для верификации способом коммуникации. Так, Московский городской суд в Определении от 7 октября 2010 г. ...признал неправомерным уведомление работницы о необходимости получить трудовую книжку телефонограммами, поскольку способ их оформления не позволяет проверить достоверность содержащихся сведений. Федеральный арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в Постановлении от 1 ноября 2012 г. ...также признал телефонограмму способом, не подтверждающим надлежащее извещение налогоплательщика о времени и месте рассмотрения материалов проверки.

Совет исходит из того, что если судебная практика не признает телефонограммы надлежащим способом извещения в трудовых и налоговых правоотношениях, то в уголовно-процессуальных отношениях, где наиболее существенно затрагиваются фундаментальные права человека и ценности, применение рассматриваемого способа коммуникации при обеспечении реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи тем более недопустимо в силу отсутствия минимальных гарантий верификации.

Наконец, применительно к «телефонограмме» следователя Б. от 16 сентября 2019 г. Совет отмечает, что она не содержит необходимых минимальных сведений, позволяющих признать ее достоверной и в

совокупности с другими объективными сведениями положить в основу вывода о надлежащем извещении защитника по соглашению. Как отмечено выше, в «телефонограмме» отсутствуют сведения о времени якобы осуществления телефонного звонка следователя по указанному в ней номеру 13 сентября 2019 г. и обратного звонка адвоката К-ва 16 сентября 2019 г. с сообщением о невозможности явки в суд. Помимо этого, в «телефонограмме» не указан номер абонента мобильного устройства, звонком с которого она якобы была передана 13 сентября 2019 г. и на который якобы был осуществлен обратный звонок адвоката К-ва 16 сентября 2019 г. Помимо этого, в «телефонограмме» указано, что следователь Б. якобы направила уведомление по электронной почте по электронному адресу... Между тем к самой телефонограмме каких-либо сведений, подтверждающих отправление и получение электронного письма, равно как и принадлежность электронного адреса соответствующему адвокатскому образованию, не приложено.

Кроме того, вызывает обоснованные сомнения сам факт составления «телефонограммы» 16 сентября 2019 г. об обстоятельствах передачи информации следователем Б. адвокату К-ву, якобы имевшей место 13 сентября 2019 г. По смыслу этого способа передачи информации телефонограмма сначала составляется, потом передается (зачитывается под запись) адресату, проставляются дата, время передачи/получения и указывается лицо, принявшее телефонограмму. Более того, телефонограмма не предназначена для фиксации ответных сведений от адресата, которому ранее была передана содержащаяся в ней информация. Содержание рассматриваемой «телефонограммы» следователя больше соответствует содержанию рапорта следователя своему руководителю, однако такой рапорт вовсе не имеет юридического значения для третьих лиц.

Сопоставление анализируемых документов как по отдельности, так и в их совокупности приводит Совет к выводу о том, что на их основании нельзя признать извещение защитника по соглашению, адвоката К-ва, надлежащим, поскольку ни один из них не содержит сведений, минимально необходимых для верификации, и не может прямо или косвенно подтвердить факт надлежащего извещения.

Совет отмечает и явное противоречие между документами, представленными в суд следователем Б. Так, наряду с ранее проанализированными документами следователь Б. представила в суд «Заявку в Адвокатскую палату города Москвы». Из указанной заявки следует, что адвокат О. была назначена 13 сентября 2019 г. в 15.34 для участия в качестве защитника по уголовному делу в отношении обвиняемого К. Отсутствие в проанализированных выше телефонограмме и уведомлении сведений о времени их передачи/отправления адресатам не позволяет сопоставить их со временем размещения заявки в АИС АПМ, что само по себе является обстоятельством, снижающим степень достоверности представленной следователем информации. Между тем другие известные из указанных документов сведения со всей очевидностью позволяют утверждать о ее явной

недостовренности. Так, в соответствии с телефонограммой от 16 сентября 2019 г. следователь Б. 13 сентября 2019 г. (!) сообщила адвокату К-ву о необходимости явки в М. городской суд 16 сентября 2019 г. к 13.30. В свою очередь адвокат К-в *«посредством телефонного звонка, а также телефонного мессенджера»* 16 сентября 2019 г. (!) *«уведомил о невозможности присутствовать при рассмотрении вышеуказанного ходатайства в связи с занятостью при проведении следственного действия и судебного заседания по другому уголовному делу»*. Таким образом, до 16 сентября 2019 г. у следователя Б., согласно ее же информации, представленной суду, отсутствовали сведения о невозможности участия защитника обвиняемого К., адвоката К-ва, в судебном заседании М. городского суда 16 сентября 2019 г. Соответственно, на 13 сентября 2019 г. у следователя Б. отсутствовали правовые основания для размещения заявки в АИС АПМ в целях выделения защитника по назначению для участия в судебном заседании 16 сентября 2019 г. Указанные обстоятельства дополнительно подтверждают обоснованность сомнений в том, что уведомление защитника по соглашению, адвоката К-ва, имело место 13 сентября 2019 г.

При таких обстоятельствах Совет разделяет позицию адвоката О. о том, что *«Достоверных данных об извещении адвоката по соглашению не представлено»*. Совет считает, что в материалах, имевшихся в распоряжении суда и, соответственно, доступных адвокату О., даже после приобщения документов по ходатайству следователя Б. отсутствовали достаточные доказательства надлежащего извещения защитника по соглашению обвиняемого К., адвоката К-ва. Следовательно, у адвоката О. в сложившейся ситуации не имелось оснований для участия в судебном заседании в качестве назначенного защитника.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 г. (Протокол № 1) утвердил Решение, в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, то есть при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же Решением (п. 2) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал *«предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать поручение на защиту лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений»* (см.: «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2013. Выпуск № 4(42); «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуск № 11–12 (121–122)).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката (утверждено Советом 18 января 2016 г.) отмечается, что навязывание адвокатом подозреваемому, обвиняемому своей юридической помощи в качестве защитника недопустимо ни при каких

обстоятельствах, в том числе и при осуществлении защиты по назначению. В равной мере недопустимым является такое навязывание и со стороны органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в отсутствие законных оснований для назначения защитника. Совет Адвокатской палаты города Москвы неоднократно разъяснял порядок и условия вступления адвоката в дело и осуществления им защиты по назначению, в том числе в части, касающейся неукоснительного соблюдения права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, включая отказ от него, и о недопустимости какого бы то ни было прямого или косвенного содействия в ущемлении этого права со стороны адвокатов, назначенных защитниками (см. Разъяснения Совета от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», от 20 ноября 2007 г. «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвокатов – защитников по соглашению», от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению»). Эти разъяснения продолжают действовать в полном объеме и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Исходя из указанных разъяснений, основанных, в том числе, на тех же требованиях Конституции РФ и законодательства РФ, правовых позициях Конституционного Суда РФ, которые приведены в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г., Совет Адвокатской палаты города Москвы считает недопустимым осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случаев непринятия дознавателем, следователем или судом отказа от защитника по назначению, при условии, что процессуальное поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или

судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы отметил, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода. Процессуальное решение органа или лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее такого обоснования, а принятое лишь со ссылкой на наличие дискреционного полномочия, предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ являться законным и достаточным основанием продолжения участия в деле защитника по назначению, дублирующего защитника по соглашению, и вынуждает защитника по назначению устранить от участия в деле в соответствии с п. 2 настоящих разъяснений.

Изложенное разъяснение подлежит безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. Их несоблюдение или ненадлежащее соблюдение влечет применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности вплоть до прекращения статуса адвоката за нарушение требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (см. «Вестник

Адвокатской палаты города Москвы». 2015. Выпуск № 4 (130). С. 17–21; 2016. Выпуск № 3 (133). С. 85–90).

Сопоставление поведения адвоката О. с указанными выше разъяснениями свидетельствует о том, что адвокат О. действовала в полном соответствии с ними, в связи с чем она не может быть привлечена к дисциплинарной ответственности за покидание зала судебного заседания.

Так, ознакомившись с материалами и установив, что у обвиняемого К. имеется защитник по соглашению, адвокат К-в, адвокат О. в судебном заседании предприняла необходимые и достаточные действия, направленные на прекращение своего участия в деле, сделав устное заявление о самоотводе и невозможности осуществлять защиту по назначению. Основанием для такого заявления послужило то обстоятельство, что в материалах отсутствовали достоверные данные о надлежащем извещении защитника обвиняемого К. по соглашению, адвоката К-ва, о дате, времени и месте судебного разбирательства.

Разрешая заявленное адвокатом О. ходатайство, суд протокольным постановлением констатировал лишь свою оценку представленных следователем Б. сведений о якобы надлежащем извещении защитника обвиняемого К. по соглашению, адвоката К-ва. Каких-либо доводов о том, что поведение адвоката К-ва либо обвиняемого К. противоречит требованиям закона либо представляет собой злоупотребление правом на защиту, и что такое поведение дезорганизует ход судебного заседания и направлено на его срыв, в указанном протокольном постановлении не приведено. Более того, в рассматриваемом протокольном постановлении отсутствуют какие-либо ссылки на правовое обоснование принятого решения, в связи с чем не представляется возможным признать его достаточным для продолжения участия в деле защитника по назначению, адвоката О., с учетом указанных выше решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их полномочий и в силу этого обязательных для адвоката. Совет констатирует, что по существу мотивированное ходатайство адвоката О. об освобождении ее от участия в деле в качестве назначенного защитника осталось без надлежащего рассмотрения.

Совет также обращает внимание на общеобязательную правовую позицию Конституционного Суда РФ, который в п. 5 Постановления от 17 июля 2019 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова» признал, что назначение защитника при наличии у обвиняемого защитника по соглашению согласуется с интересами правосудия и направлено на реализацию предписаний ст. 17 (ч. 3) и 48 Конституции РФ в ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый, его защитник по соглашению злоупотребляют правом на защиту и такое злоупотребление дезорганизует ход досудебного или судебного процесса, направлено на срыв производства по делу. Вместе с тем решение об отклонении отказа от защитника по назначению при участии в уголовном деле

защитника по соглашению по мотивам злоупотребления правом на защиту должно быть обоснованным и мотивированным и само по себе не должно исключать возможность приглашенного защитника выполнить взятое на себя поручение.

Применяя эту конституционно-правовую позицию к установленным Конституционной комиссией и изложенным выше фактическим обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства, Совет также приходит к выводу о том, что адвокат О. в сложившейся ситуации и с учетом известных ей обстоятельств не имела правовых оснований для продолжения своего участия в судебном заседании М. городского суда.

В связи с этим Совет признает, что адвокат О., покинув зал судебного заседания после соответствующего заявления с обоснованием своих действий, действовала в полном соответствии с требованиями закона и профессиональной этики. Такое поведение защитника по назначению, адвоката О., не может расцениваться как отказ от защиты и является не только правомерным, но и обязательным, поскольку оно было направлено именно на надлежащее обеспечение реализации права обвиняемого К. на защиту свободно избранным им защитником.

То обстоятельство, что суд в протокольном постановлении, не приведя надлежащего обоснования и мотивировки, признал, что *«предоставленные следователем сведения надлежащим образом подтверждены, оснований не доверять приобщенным документам не имеется»*, не лишает адвоката как независимого профессионального советника по правовым вопросам права выбора способа профессионального поведения в соответствии с приведенными выше обязательными требованиями.

В соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве определяет Совет Федеральной палаты адвокатов РФ. Такой порядок утвержден Решением Совета Федеральной палаты адвокатов 15 марта 2019 г. Абзац 2 подп. «б» пункта 6 раздела 5 Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве предусматривает, что, приняв поручение на защиту по назначению и явившись к месту производства процессуального действия, адвокат обязан выявить наличие/отсутствие обстоятельств, исключающих или препятствующих его участию в производстве по данному уголовному делу в качестве защитника, по результатам которого принять меры, руководствуясь решениями Совета ФПА РФ, принятыми в пределах их компетенции (в том числе Решением от 27 сентября 2013 г. (Протокол № 1) «О двойной защите»), решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации, включая разъяснения по поводу возможных действий адвокатов в сложной ситуации, касающейся соблюдения этических норм. Поэтому в вопросе о возможности продолжения участия в деле защитника по назначению при наличии защитника по соглашению адвокату следует руководствоваться нормативными актами соответствующих адвокатских палат.

Наконец, Совет обращает внимание на то, что сама по себе дача обвиняемым согласия на участие защитника по назначению при наличии у него защитника по соглашению в отсутствие законных оснований для назначения защитника и его участия в уголовном деле не может легитимировать такое участие. Вместе с тем эта позиция обвиняемого лишь подтверждает факт отсутствия в его поведении каких-либо признаков злоупотребления правом на защиту.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, признает презумпцию добросовестности адвоката О. неопровергнутой и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

2020 год

11. Совет прекратил дисциплинарное производство, установив, что адвокат, будучи защитником по назначению, зная о наличии у его доверителя адвокатов по соглашению и учитывая отказ доверителя от его помощи, предпринял все действия, направленные на прекращение своего участия в деле.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката Б. в закрытом заседании 28 февраля 2020 г. дисциплинарное производство в его отношении ...возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи М. городского суда...

В соответствии с ЗаклЮчением Квалификационной комиссии от 29 января 2020 г. адвокат Б. нарушил ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось в самовольном покидании им 4 октября 2019 г. судебного заседания М. городского суда по рассмотрению ходатайства следователя... МРСО СУ по ...АО ГСУ СК России по городу Москве о продлении срока содержания под стражей обвиняемого П.

Адвокат Б. в заседании Совета выразил сомнения в правильности выводов, изложенных в ЗаклЮчении Квалификационной комиссии, равно как и неуверенность в правильности своего поведения в судебном заседании 4 октября 2019 г., возникшую у него после ознакомления с ЗаклЮчением Комиссии. Он пояснил, что при выборе варианта поведения в сложившейся в судебном заседании сложной и конфликтной ситуации он руководствовался, прежде всего, интересами обеспечения права подзащитного на свободный выбор защитника. В материалах дела, с которыми он ознакомился, содержались убедительные доказательства того, что защитники П. по

соглашению не были уведомлены надлежащим образом о судебном заседании, назначенном на 4 октября 2019 г. Точнее: об этом заседании защитники вообще не уведомлялись, но при этом сообщили ему, что готовы участвовать в судебном заседании начиная с 5 октября 2019 г. От его (адвоката Б.) участия подзащитный П. явно и категорически отказывался, защитники по соглашению также сообщили ему о своем категорическом несогласии с его участием. При этом срок содержания П. под стражей истекал 6 октября 2019 г. В итоге суд апелляционной инстанции отменил постановление от 4 октября 2019 г. о продлении срока его содержания под стражей в связи с тем, что оно было вынесено в отсутствие защитников.

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства и Заключение Квалификационной комиссии, выслушав адвоката Б., признает, что Квалификационной комиссией правильно установлены фактические обстоятельства, имеющие значение для разрешения дисциплинарного производства, однако ею дана ошибочная правовая оценка действиям адвоката.

Так, установлено, что 1 октября 2019 г. М. городским судом был зарегистрирован материал... по рассмотрению ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей в отношении П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, содержащегося под стражей с 7 июля 2018 г.

Последний раз срок содержания П. под стражей был продлен до 6 октября 2019 г.

Защиту обвиняемого П. по соглашению на предварительном следствии по состоянию на дату поступления указанного выше ходатайства следователя в суд осуществляли адвокаты Д. и Г-н.

Судебное заседание по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении срока содержания под стражей в отношении обвиняемого П. и срока домашнего ареста в отношении обвиняемого Ч. было назначено на 3 октября 2019 г., в 14.30.

Защитники Д. и Г-н 1 октября 2019 г., в 17.26, были уведомлены следователем Р. по телефону о месте, дате и времени судебного заседания. В ответ в адрес следователя ими были направлены письменные ходатайства, в которых сообщалось, что они 3 октября 2019 г. не могут явиться в судебное заседание по рассмотрению указанного выше ходатайства органа следствия, так как со 2 по 5 октября 2019 г. они будут представлять интересы своего подзащитного в г. В. ...области. В связи с этим они просили следователя ходатайствовать перед судом о переносе даты судебного заседания. Кроме того, в своем ходатайстве указанные адвокаты разъяснили следователю положения ч. 3 ст. 50 УПК РФ, в соответствии с которыми законом «на прибытие защитника» отводится пять суток и только после этого дознаватель,

следователь или суд вправе предложить обвиняемому пригласить другого защитника.

В связи с невозможностью явки защитников П. по соглашению 3 октября 2019 г. в судебное заседание защитником обвиняемого П. следователем был назначен адвокат Г.

3 октября 2019 г. адвокат Г., сделав соответствующее заявление, покинул зал судебного заседания в связи с невозможностью осуществления защиты обвиняемого П., поскольку у него имелись защитники по соглашению, а от его (адвоката Г.) участия П. отказался. Судебное заседание по рассмотрению ходатайства следователя было отложено на 10 часов 4 октября 2019 г.

Для осуществления защиты П. по назначению следователем через Автоматизированную информационную систему Адвокатской палаты города Москвы было обеспечено участие адвоката Б., который 4 октября 2019 г. прибыл в суд и ознакомился с материалом.

4 октября 2019 г. ввиду несвоевременной доставки обвиняемого П. судебное заседание было возобновлено и продолжено в 13.20.

В подготовительной части судебного заседания председательствующий выяснил у следователя, уведомлялись ли защитники обвиняемого П. о месте, дате и времени судебного заседания. Следователь Р. сообщила, что адвокаты были ею уведомлены посредством телефонной связи, заявила ходатайство о приобщении к материалу телефонограмм от 3 октября 2019 г., направленных адвокату Г-ну и Д. Указанные телефонограммы были приобщены судом к материалу.

После чего защитник, адвокат Б., заявил ходатайство о предоставлении ему времени для конфиденциального общения с обвиняемым П.

Обвиняемый П. заявил о том, что возражает против участия в судебном заседании адвоката Б.

Председательствующим в судебном заседании был объявлен перерыв для конфиденциального общения защитника Б. и обвиняемого П.

После перерыва судебное заседание было продолжено.

На вопрос председательствующего о возможности рассмотрения ходатайства следователя при данной явке обвиняемый П. заявил, что категорически возражает против участия в деле адвоката Б.

Адвокат Б. сделал следующее заявление:

«Ваша честь! Считаю невозможным рассмотрение ходатайства следователя при данной явке, в ходе ознакомления с материалами по ходатайству следователя мною было установлено, что у обвиняемого П. имеется два защитника, с которыми заключено соответствующее соглашение, сам обвиняемый категорически отказывается от моего участия в судебном заседании.»

Полагаю, что адвокаты Д. и Г-н не были надлежащим образом уведомлены о месте и времени рассмотрения ходатайств следователя, поскольку следователем этого не было сделано за 05 суток, как регламентирует УПК, учитывая, что срок содержания обвиняемого П. истекает 06 октября 2019 г., полагал возможным рассмотрение ходатайства следователя о продлении срока содержания обвиняемого П. под стражей по существу 05 или 06 октября 2019 г.

Рапорт следователя, как и телефонограмма, без приложенной к ней детализации не может быть подтверждением надлежащего извещения адвоката.

Поддерживаю заявление обвиняемого П. и прошу освободить меня от участия в настоящем судебном заседании, рассмотрение ходатайств следователя отложить на 05 или 06 октября 2019 г., тем самым обеспечить возможность обвиняемого П. пользоваться услугами адвокатов по соглашению, поскольку отношения между адвокатом и обвиняемым должны быть доверительными, когда следователь таким образом назначает обвиняемому защитника, то ни о какой доверии речь идти не может» (здесь и далее в тексте курсивом орфография и пунктуация оригинала сохранены. – Примеч. Совета).

Председательствующий судья, выслушав мнения участников процесса, совещаясь на месте, вынес протокольное постановление следующего содержания:

«Принимая во внимание, что адвокаты Д. и Г-н надлежащим образом извещены о месте и времени рассмотрения ходатайств следователя, о чем в судебном заседании следователем Р. представлены соответствующие документы, в том числе аналогичные по своему содержанию копии письменных заявлений адвокатов Д. и Г-на, согласно которым они подтверждают указанный факт, сообщают о невозможности явки в судебное заседание ввиду занятости при оказании юридической помощи иному лицу, одновременно не прикладывают каких-либо документов и не сообщают достаточных данных позволяющих суду установить уважительность причин неявки адвокатов в судебное заседание, что свидетельствует о том, действия адвокатов Д. и Г-на, явно направлены на воспрепятствование нормальному ходу судебного разбирательства и указывают на злоупотребление правом на защиту, на основании чего заявление адвоката Б. о невозможности его участия в настоящем судебном заседании связанной с наличием у обвиняемого П. адвокатов по соглашению, которые о месте и времени слушания по ходатайству следователя надлежащим образом не извещены, не находят своего подтверждения, учитывая что адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого, при таких обстоятельствах суд считает возможным

отказать в удовлетворении ходатайства адвоката Б. об освобождении его от участия в судебном заседании.

С учетом того, что срок содержания обвиняемого П. под стражей истекает 5 октября 2019 г., принимая во внимание, что указанный день является нерабочим, что исключает возможность рассмотрения ходатайства следователя в судебном заседании, в удовлетворении ходатайства защитника об отложении слушания по ходатайству следователя отказать».

Затем адвокатом Б. было заявлено следующее: «Ваша честь! Я заявляю об отводе председательствующего, поскольку в настоящем судебном заседании выявлены обстоятельства, позволяющие сделать вывод о том, что председательствующий заинтересован в исходе рассмотрения ходатайства следователя, поскольку принимает сомнительные решения о моем неосвобождении от участия в настоящем судебном заседании, а также при рассмотрении моего заявления в целом».

На вопрос председательствующего «Вы заявляете о личной заинтересованности председательствующего в исходе рассмотрения ходатайства следователя по существу?» адвокат Б. ответил: «Я не могу пояснить о личной заинтересованности, поскольку этого я не знаю, могу только предполагать, судя по Вашим действиям».

Председательствующий, выслушав мнения участников процесса, совещаясь на месте, постановил: «Принимая во внимание доводы поступившего заявления адвоката Б., согласно которому он фактически высказывает несогласие с действиями председательствующего в ходе судебного заседания, одновременно не указывает основания для отвода, ввиду чего указанное заявление об отводе председательствующего с учетом его обоснования таковым не является и не подлежит рассмотрению в условиях совещательной комнаты».

Далее в протоколе судебного заседания указано, что адвокат Б. сделал следующее заявление: «Ваша честь! Прошу мои действия не рассматривать как неуважение к суду, но я не могу принимать участие в настоящем судебном заседании». После чего адвокат Б. покинул зал судебного заседания.

Оценивая профессиональное поведение адвоката Б. в описанной ситуации, Совет приходит к выводу о том, что Квалификационная комиссия, правильно установив фактические обстоятельства, ошибочно квалифицировала действия адвоката Б., выразившиеся в покидании зала судебного заседания, как нарушение требований уголовно-процессуального законодательства и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Приходя к такому выводу, Совет, прежде всего, исходит из оценки наличия или отсутствия обязательных условий продолжения участия защитника по назначению в процессуальном действии при отказе от него и при

наличии у обвиняемого защитника по соглашению. Квалификационная комиссия правильно сослалась на Разъяснение Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденное Советом 18 января 2016 г., согласно которому недопустимым является «осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случаев непринятия дознавателем, следователем или судом отказа от защитника по назначению, при условии, что процессуальное поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе, продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и... разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления».

Совет также отметил, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Совет далее указал в том же Разъяснении, что «непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного

заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода. Процессуальное решение органа или лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее такого обоснования, а принятое лишь со ссылкой на наличие дискреционного полномочия, предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может, как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ, являться законным и достаточным основанием продолжения участия в деле защитника по назначению, дублирующего защитника по соглашению, и вынуждает защитника по назначению устраниваться от участия в деле в соответствии с п. 2 настоящих Разъяснений».

Квалификационная комиссия верно указала в Заключение, что заявление обвиняемого П. об отказе от защитника по назначению адвоката Б., поддержанное последним, судом было рассмотрено с вынесением протокольного постановления. Между тем Совет не может согласиться с тем, что указанное протокольное постановление суда соответствует требованиям обоснованности и мотивированности в части оценки поведения защитников обвиняемого П. по соглашению как представляющего собой злоупотребление правом на защиту, которое дезорганизует ход судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса.

Совет считает, что использование судом в постановлении формулировок «злоупотребление правом на защиту», «воспрепятствование нормальному ходу судебного разбирательства» само по себе не свидетельствует о том, что такое поведение защитников имеет место и не заменяет надлежащих обоснований и мотивировки со ссылкой на конкретные фактические обстоятельства. Однако такие обоснование и мотивировка в протокольном постановлении суда отсутствуют.

Адвокат, назначенный защитником, должен оценивать содержание постановления уполномоченного должностного лица, вынесенного в результате рассмотрения заявления обвиняемого об отказе от защитника по назначению, с учетом всей совокупности значимых для такой оценки

обстоятельств, в том числе, наличия/отсутствия доказательств надлежащего уведомления защитников по соглашению, а также наличия и соблюдения процессуальных сроков производства процессуального действия.

В этой связи Совет обращает внимание на то, что срок содержания обвиняемого П. под стражей истек 6 октября 2019 г. В соответствии с ч. 2 ст. 128 УПК РФ «срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток... Если окончание срока приходится на нерабочий день, то последним днем срока считается первый следующий за ним рабочий день, за исключением случаев исчисления сроков при... содержании под стражей...». Таким образом, последним возможным днем рассмотрения ходатайства следователя о продлении обвиняемому П. срока содержания под стражей являлось 6 октября 2019 г. То обстоятельство, что этот день был выходным, не может являться законным основанием для ограничения конституционного права обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи избранным обвиняемым защитником. Совет отмечает, что практика дежурств судей по выходным дням для рассмотрения процессуальных вопросов, не терпящих отлагательства, является общераспространенной в городе Москве, необходимость ее существования не подвергается сомнению. Поэтому Совет не усматривает каких-либо реальных правовых или организационных препятствий для рассмотрения судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей в выходные дни. Тем более, когда это требуется для соблюдения права обвиняемого на защиту.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что защитники обвиняемого П. по соглашению, адвокаты Г-н и Д., сообщили следователю о своем возвращении в город Москву 5 октября 2019 г. и просили следователя ходатайствовать перед судом о переносе судебного заседания на указанную дату или на 6 октября 2019 г., заявляя о своей готовности участвовать в судебном заседании в любой из этих дней. Это же подтвердил и адвокат Б. по итогам общения с защитниками П. по мобильному телефону. Поэтому Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии об обоснованности утверждения суда о невозможности «рассмотрения ходатайства следователя в судебном заседании с участием защитников П. по соглашению с учетом времени их нахождения в командировке».

Совет подтверждает приверженность ранее сформулированной позиции о том, что защитник по соглашению обязан следить за процессуальными сроками по уголовному делу и планировать свою занятость с учетом необходимости участия в процессуальных действиях, в том числе судебных заседаниях, в которых рассматриваются вопросы, затрагивающие конституционные права доверителя (среди которых избрание и продление судом соответствующих мер пресечения или процессуального принуждения). Вместе с тем, планируя свою занятость, защитники вправе основываться на

том, что все участники уголовного судопроизводства, тем более должностные лица, будут исполнять свои обязанности в строгом соответствии с требованиями закона, в том числе, соблюдать установленные УПК РФ сроки заявления и разрешения соответствующих ходатайств и выстраивать с защитниками конструктивные, равноправные и уважительные деловые отношения во избежание неявок или срывов процессуальных действий.

В соответствии с ч. 8 ст. 109 УПК РФ «ходатайство о продлении срока содержания под стражей должно быть представлено в суд по месту производства предварительного расследования либо месту содержания обвиняемого под стражей не позднее, чем за 7 суток до его истечения». В рассматриваемой ситуации последним днем представления ходатайства являлось 30 сентября 2019 г. (с учетом переноса даты, выпадающей на выходной, на первый рабочий день). Защитники обвиняемого П., адвокаты Д. и Г-н, были уведомлены следователем Р. по телефону о месте, дате и времени судебного заседания 3 октября 2019 г. только 1 октября 2019 г., в 17.26. Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что срок, установленный ч. 8 ст. 109 УПК РФ, по смыслу, придаваемому данной норме правоприменительной практикой, не является пресекательным. Вместе с тем Совет считает необходимым учитывать факт соблюдения или несоблюдения должностными лицами этого и иных процессуальных сроков при оценке обоснованности и мотивированности выводов этих же должностных лиц о наличии/отсутствии в поведении защитников по соглашению признаков недобросовестности и/или злоупотребления правом.

В настоящем случае Совет не усматривает признаков недобросовестного поведения и/или злоупотребления правом со стороны защитников обвиняемого П. по соглашению, адвокатов Г-на и Д., и отмечает, что в указанном выше протокольном постановлении суда не приведены конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие вывод суда о таком поведении адвокатов. При условии соблюдения процессуальных сроков и конструктивного, равноправного, уважительного отношения к защитникам по соглашению и их занятости судебное заседание могло быть проведено с их участием 30 сентября, 1 октября, а также 5 или 6 октября 2019 г. Поэтому поведение адвокатов Г-на и Д. не может быть квалифицировано как направленное на срыв судебного заседания. Кроме того, материалами дисциплинарного производства не опровергнут довод адвоката Б. об отсутствии доказательств надлежащего извещения защитников П. по соглашению именно о судебном заседании 4 октября 2019 г., в котором он (адвокат Б.) участвовал.

Изложенное выше приводит Совет к выводу, что адвокат Б., находясь в сложной и конфликтной ситуации, действовал в соответствии с Разъяснением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г., а именно

предпринял все действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая поддержку заявления обвиняемого П. об отказе от него, а также собственное аналогичное заявление, и проявил настойчивость с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений. Вынесенное судом протокольное постановление, которым в их удовлетворении было отказано, также не позволяло адвокату Б. продолжить участие в деле в качестве защитника по назначению, поскольку оно явно не соответствовало требованиям обоснованности и мотивированности в части оценки поведения защитников обвиняемого П. по соглашению как злоупотребления правом на защиту, направленного на дезорганизацию производства по делу и срыв судебного процесса. Указанные обстоятельства вынуждали адвоката Б. покинуть зал судебного заседания и устраниваться от участия в деле, что он и сделал, сопроводив свои действия соответствующим заявлением в судебном заседании.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, признает презумпцию добросовестности адвоката Б. неопровергнутой и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в отношении него по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

12. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката, поскольку дисциплинарное обвинение в том, что он проявил неуважение к суду и участникам процесса, самовольно покинув зал судебного заседания и отказавшись выполнять принятые на себя обязательства, не нашло подтверждения в ходе разбирательства.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи М. городского суда... в отношении адвоката Г.

В соответствии с ЗаклЮчением Квалификационной комиссии от 29 января 2020 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по обращению (частному постановлению) судьи М. городского суда... подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Г. в заседании Совета подтвердил получение ЗаклЮчения Квалификационной комиссии в установленный срок, ознакомление с ним. С ЗаклЮчением Квалификационной комиссии согласился.

Совет, выслушав адвоката Г., изучив материалы дисциплинарного производства, доводы, изложенные в обращении (частном постановлении) судьи М. городского суда... обсудив Заключение Квалификационной комиссии, полностью соглашается с выводами Квалификационной комиссии, основанными на верно и полно установленных ею фактических обстоятельствах.

Дисциплинарное обвинение в адрес адвоката Г. в том, он проявил неуважение к суду и участникам процесса, самовольно покинув зал судебного заседания и отказавшись выполнять принятые на себя обязательства по защите прав П., не нашло своего подтверждения.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что защиту обвиняемого П. на предварительном следствии осуществляли по соглашению адвокаты Д. и Г-н.

Судебное заседание по рассмотрению ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей обвиняемого П. было назначено на 3 октября 2019 г., в 14.30.

Защитники Д. и Г-н 1 октября 2019 г. в 17.26 были уведомлены следователем Р. по телефону о месте, дате и времени судебного заседания. В ответ в адрес следователя ими были направлены письменные ходатайства, в которых сообщалось, что они 3 октября 2019 г. не смогут явиться в судебное заседание, так как со 2 по 5 октября 2019 г. будут представлять интересы своего подзащитного в г. В. ...области. В связи с этим они просили следователя ходатайствовать перед судом о переносе даты судебного заседания.

В связи с невозможностью по уважительной причине явки защитников по соглашению в судебное заседание 3 октября 2019 г. следователем посредством размещения заявки в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы защитником была обеспечена явка в судебное заседание адвоката Г. в качестве защитника по назначению.

Явившись в суд, адвокат Г. побеседовал с обвиняемым П., который уведомил адвоката Г. о том, что у него уже имеются защитники по соглашению Д. и Г-н, и он отказывается от помощи адвоката Г.

Сразу после начала судебного заседания адвокат Г., поддержав заявленный П. отказ от него, сделал заявление о том, что у П. заключено соглашение на защиту с двумя адвокатами, и он (адвокат Г.) в сложившейся ситуации не может принять на себя защиту обвиняемого, после чего покинул зал судебного заседания.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 г. утвердил Решение «О двойной защите» (Протокол № 1), в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками в качестве

дублеров, то есть при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. В этом же Решении (п. 2) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать поручение на защиту лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений» (см. «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2013. Выпуск № 4(42), «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуски №№ 11–12(121–122)).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденном 2 марта 2004 г., указано, что в случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от суда вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ. При отказе суда вынести соответствующее постановление адвокату следует подать суду свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения судом постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В случае отказа суда рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) суда в соответствии с главой 16 УПК, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах государственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Бездействие адвоката в подобных ситуациях означает нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2004. Выпуск № 6(8). С. 4–6; 2004. Выпуски №№ 11–12(13–14). С. 41–43; 2007. Выпуск № 1(39). С. 104–106; Специальный выпуск «Вестник Адвокатской палаты города Москвы»: сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 109–111).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы, утвержденном 18 января 2016 г., указано, что навязывание адвокатом подозреваемому, обвиняемому своей юридической помощи в качестве защитника недопустимо ни при каких обстоятельствах, в том числе и при осуществлении защиты по назначению. В равной мере недопустимым является такое навязывание и со стороны органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в отсутствие законных оснований для назначения защитника. Совет Адвокатской палаты города Москвы неоднократно разъяснял порядок и условия вступления адвоката в дело и осуществления им защиты по назначению, в том числе в части, касающейся неукоснительного соблюдения права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, включая отказ от него, и о недопустимости какого бы то ни было прямого или косвенного содействия в ущемлении этого права со стороны адвокатов, назначенных защитниками (см. Разъяснения Совета от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», от 20 ноября 2007 г. «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвокатов – защитников по соглашению», от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению»). Эти Разъяснения продолжают действовать в полном объеме и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями ч. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В этом же Разъяснении Совет указал: «...отказ от защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению может быть не принят дознавателем, следователем или судом лишь в том случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Иными словами, непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу. Следовательно, продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное

решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода. Процессуальное решение органа или лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее такого обоснования, а принятое лишь со ссылкой на наличие дискреционного полномочия, предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может, как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ, являться законным и достаточным основанием продолжения участия в деле защитника по назначению, дублирующего защитника по соглашению, и вынуждает защитника по назначению устраниваться от участия в деле в соответствии с п. 2 настоящих Разъяснений.... Настоящее Разъяснение подлежит безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями ч. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. Их несоблюдение или ненадлежащее соблюдение влечет применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности, вплоть до прекращения статуса адвоката, за нарушение требований подп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8, п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката. При этом Совет Адвокатской палаты города Москвы обращает внимание, что в соответствии с ч. 3 ст. 18 указанного Кодекса адвокат, действовавший в соответствии с разъяснениями Совета относительно применения положений Кодекса, не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности».

Сопоставляя действия адвоката Г. с приведенными выше требованиями, Совет приходит к выводу, что он действовал в соответствии с законом и решениями органов адвокатского самоуправления, принятыми в пределах их компетенции.

Совет признает необоснованными дисциплинарные обвинения в том, что при рассмотрении уголовного дела в отношении П. адвокат Г. не реагировал на неоднократные разъяснения и предупреждения председательствующего судьи о том, что адвокат не имеет права отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого.

Процессуального решения суда, соответствующего указанным выше требованиям, принято не было, как не имелось и законных оснований для его принятия.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу, что презумпция добросовестности адвоката Г. не опровергнута, и им при обстоятельствах, описанных в обращении судьи, не было допущено нарушения норм

законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

13. Совет прекратил дисциплинарное производство вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка, выразившегося в покидании зала судебного заседания.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании в очной форме с использованием сервиса видеоконференций ZOOM с участием адвоката К. (регистрационный номер 77/... в реестре адвокатов города Москвы) дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи ... суда Ко. от 15 ноября 2019 года (вх. № ... от 03.12.2019) установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 февраля 2020 года адвокат К. признан нарушившим ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось в самовольном покидании им 13 ноября 2019 года судебного заседания ... суда по рассмотрению дела № ... по апелляционной жалобе защитника – адвоката Г. на постановление ... районного суда города Москвы от 18 октября 2019 года о продлении Т. срока содержания под стражей.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил, что указанное Заключение Квалификационной комиссии он получил, ознакомился и согласен с ее выводами о наличии в его действиях нарушения, хотя, совершая эти действия, он считал их правильными. Причина покидания им зала судебного заседания заключается в том, что он хотел поддержать коллегу по корпорации и способствовать соблюдению права обвиняемого Т. на защиту избранным им защитником. В этих целях он решил воспользоваться ситуацией, при которой рассмотрение апелляционной жалобы было, как он считал, невозможно: не было перевода документов на родной язык обвиняемого. В этих условиях адвокат К. посчитал для себя невозможным участвовать в рассмотрении уголовного дела. Он звонил адвокату Г. и записал на диктофон разговор с ним. В ходе разговора выяснилось, что адвокат Г. не был надлежащим образом извещен о судебном заседании и к тому же болен, однако он был не против его (адвоката К.) участия в суде апелляционной инстанции. Подзащитный Т., участвовавший в судебном заседании по видеоконференцсвязи, также не возражал против его (адвоката К.) участия в суде. Однако он не был уверен в добровольности этого заявления, поскольку обвиняемый лишь согласился с мнением судьи, повторив за ней то, что она просила подтвердить. При этом было очевидно, что он плохо владеет русским языком, а возможностей для конфиденциального общения с ним у адвоката К. не было. Поэтому адвокат К. посчитал это заявление обвиняемого недостаточным для принятия участия в деле. Процессуального решения суда по результатам рассмотрения вопроса о

возможности его участия в деле в качестве защитника адвокат К. не дождался и покинул зал судебного заседания, в чем признает свою неправоту.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав адвоката К., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела, однако приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в силу следующего.

Так, установлено, что дело № ... по апелляционной жалобе защитника – адвоката Г. на постановление Савеловского районного суда города Москвы от 18 октября 2019 года о продлении Т. срока содержания под стражей поступило в ... суд 12 ноября 2019 года. Судебное заседание по рассмотрению апелляционной жалобы было назначено на 13 ноября 2019 года.

07 ноября 2019 года ... районным судом города Москвы в адрес адвоката Г. направлялось почтовое отправление (трек код ...), содержащее уведомления о месте, дате и времени судебного заседания Московского городского суда по рассмотрению его апелляционной жалобы, однако в связи с направлением отделением связи почтового отправления на неверный адрес оно было вручено получателю только 22 ноября 2019 года.

В связи с неполучением адвокатом Г. почтового отправления, содержащего уведомление о месте, дате и времени судебного заседания ... суда, назначенного на 13 ноября 2019 года, 12 ноября 2019 года, он был уведомлен аппаратом ... суда телефонограммой о предстоящем судебном заседании. Однако, адвокат Г. сообщил суду, что прибыть 13 ноября 2019 года не может ввиду болезни, при этом не возражает, если защиту его доверителя будет осуществлять адвокат, назначенный судом. Кроме того, адвокат Г. в ходе состоявшегося телефонного разговора сообщил сотруднику суда, что у него не заключено соглашение на защиту Т. в суде апелляционной инстанции.

12 ноября 2019 года в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы была размещена заявка № ... на обеспечение обвиняемому Т. защитника по назначению, которая была принята адвокатом К. Инициатор заявки судья ... суда Ко.

13 ноября 2019 года адвокат К. явился в суд, представил ордер и ознакомился с делом.

Из протокола судебного заседания ... суда от 13 ноября 2019 года по рассмотрению дела № ... в апелляционном порядке усматривается, что протоколирование в нем велось письменно, а также с использованием средств аудио- и видеозаписи. В судебном заседании принимала участие переводчик с киргизского языка – М.

В протоколе судебного заседания отражено, что обвиняемый Т. доставлен для участия в видеоконференции, адвокат К. – явился, адвокат Г. – не явился, извещен, соглашения в суд апелляционной инстанции не имеет, просил о рассмотрении материала в свое отсутствие.

После разъяснения прав обвиняемого, на вопросы председательствующего обвиняемый Т. ответил: *«Права понятны. Не*

возражаю, чтобы мою защиту в суде апелляционной инстанции осуществлял адвокат по назначению К. Все подлежавшие вручению мне процессуальные документы с переводом на мой родной язык я получил. Готов к участию в настоящем судебном заседании».

Кроме того, в протоколе судебного заседания отражен телефонный разговор, состоявшийся с разрешения председательствующего между адвокатом К. и адвокатом Г. В ходе телефонного разговора адвокат Г. сообщил, что имеет соглашение с обвиняемым Т. на предварительное следствие по делу, но соглашения на защиту в суде апелляционной инстанции с обвиняемым Т. не имеет, в судебное заседание не явится, просит провести настоящее судебное заседание в его отсутствие, кроме того, поясняет, что в настоящее время находится на больничном».

Сразу после телефонного разговора с адвокатом Г. адвокат К. покинул зал судебного заседания, сделав следующее заявление: *«Адвокат Г. имеет соглашение с обвиняемым по делу. Есть принцип непрерывности судебного представительства. Я не имею права нарушать право Т. на защиту, я обязан устраниваться. Кроме того, в материалах дела отсутствует перевод обжалуемого постановления, что также является нарушением права Т. на судебную защиту и отсутствуют доказательства вручения ему переведенного обжалуемого постановления».*

Давая оценку установленным фактическим обстоятельствам, Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что в абз. 3 п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 сформулировано специальное правило о сроках и порядке уведомления о месте, дате и времени начала рассмотрения апелляционной жалобы на постановление об избрании/продлении сроков заключения под стражу, поэтому положения ч. 2 ст. 389.11 УПК РФ, в соответствии с которыми судом апелляционной инстанции стороны должны быть извещены о месте, дате и времени начала рассмотрения уголовного дела не менее чем за 7 суток до дня судебного заседания, не распространяются на указанные выше случаи. Вместе с тем, Совет учитывает и то, что судебное заседание по рассмотрению апелляционной жалобы было назначено спустя почти месяц после вынесения обжалуемого постановления судом первой инстанции, что само по себе свидетельствует о несоблюдении сокращенных сроков апелляционного обжалования и апелляционного рассмотрения постановления об избрании меры пресечения не по вине адвоката К.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией и в том, что назначение адвоката К. защитником Т. было произведено судом апелляционной инстанции с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства, поскольку, направляя заявку в АИС АПМ, судья руководствовалась полученной от адвоката Г. информацией об отсутствии у него соглашения на защиту Т. в суде апелляционной инстанции и невозможности его явки в суд ввиду болезни.

Останавливаясь на вопросе о значении волеизъявления доверителя для замены защитника, Квалификационная комиссия правильно указала, что Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 года утвердил Решение «О "двойной защите"», в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублёров, то есть, при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключённых ими соглашений. Этим же Решением (п. 2) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать поручение на защиту лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключённых соглашений» (*Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2013. Выпуск № 4 (42), Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2013. Выпуск № 11-12 (121-122)*).

В Разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в делах по назначению» (утверждены Советом 02 марта 2004 года) указано, что адвокатам, вступающим в уголовное судопроизводство по назначению, нередко приходится сталкиваться с нарушением следователями порядка замены участвовавшего ранее в деле и выбывшего из него по различным причинам защитника по соглашению – следователь не дает подозреваемому или обвиняемому возможности реализовать право в течение отпущенного законом срока (от одних до пяти суток) заключить соглашение с новым адвокатом, а в нарушение закона сразу же привлекает адвоката по назначению.

В случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ. При отказе следователя вынести соответствующее постановление адвокату следует подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения следователем постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В случае отказа следователя рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с главой 16 УПК, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату г. Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах государственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Бездействие адвоката

в подобных ситуациях означает нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении (*Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2004. Выпуск № 6 (8). С. 4-6; 2004. Выпуск № 11-12 (13-14). С. 41-43; 2007. Выпуск № 1(39). С. 104-106. Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. М., 2014. С. 109-111*).

В Разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» (утверждены Советом Москвы 18 января 2016 года) отмечается, что навязывание адвокатом подозреваемому, обвиняемому своей юридической помощи в качестве защитника недопустимо ни при каких обстоятельствах, в том числе и при осуществлении защиты по назначению. В равной мере недопустимым является такое навязывание и со стороны органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в отсутствие законных оснований для назначения защитника. Совет Адвокатской палаты города Москвы неоднократно разъяснял порядок и условия вступления адвоката в дело и осуществления им защиты по назначению, в том числе в части, касающейся неукоснительного соблюдения права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, включая отказ от него, и о недопустимости какого бы то ни было прямого или косвенного содействия в ущемлении этого права со стороны адвокатов, назначенных защитниками (Разъяснения Совета: от 02.03.2004 «Об участии в делах по назначению», от 20.11.2007 «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвокатов-защитников по соглашению», от 24.09.2015 «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению»). Эти разъяснения продолжают действовать в полном объёме и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями ч. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Исходя из указанных разъяснений, основанных, в том числе, на тех же требованиях Конституции РФ и законодательства РФ, правовых позициях Конституционного Суда РФ, которые приведены в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27.09.2013, Совет Адвокатской палаты города Москвы считает недопустимым осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случаев неприятия дознавателем, следователем или судом отказа от защитника по назначению, при условии, что процессуальное поведение защитника по

соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе, продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведён от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы отметил, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть, направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонён заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода. Процессуальное решение органа или лица, осуществляющего производство по

уголовному делу, которым отклонён заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее такого обоснования, а принятое лишь со ссылкой на наличие дискреционного полномочия, предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может, как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ, являться законным и достаточным основанием продолжения участия в деле защитника по назначению, дублирующего защитника по соглашению, и вынуждает защитника по назначению устраниться от участия в деле в соответствии с п. 2 настоящих Разъяснений.

Изложенные Разъяснения подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями ч. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. Их несоблюдение или ненадлежащее соблюдение влечёт применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности, вплоть до прекращения статуса адвоката, за нарушение требований пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п.п. 1 и 2 п. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (См. *Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2015. № 4 (130). С. 17-21; 2016. № 3 (133). С. 85-90*).

С учетом изложенного, волеизъявление доверителя по вопросу возможности участия в уголовном деле защитника по назначению при наличии у доверителя защитника по соглашению является основополагающим.

Давая оценку профессиональному поведению адвоката К. в сложившейся ситуации, Совет признает, что, несмотря на формальное его несоответствие некоторым изложенным выше требованиям (не заявил ходатайство, не потребовал его разрешения судом), это несоответствие является формальным и не повлекло за собой каких-либо негативных последствий. Совет отмечает, что самовольное покидание адвокатом К. судебного заседания 13 ноября 2019 года не могло нарушить право обвиняемого Т. на рассмотрение его дела в разумный срок, а также повлиять на исполнение судом обязанности по рассмотрению жалобы в установленные сроки. Как указано выше, 13 ноября 2019 года в ... суде рассматривалась апелляционная жалоба на постановление ... районного суда города Москвы от 18 октября 2019 года. Как следует из частного постановления, срок содержания под стражей по обжалуемому постановлению истекал 22 ноября 2019 года, а зарегистрирован материал в ... суде был только 12 ноября 2019 года (согласно данным, размещенным в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в разделе «Поиск по судебным делам» официального сайта судов общей юрисдикции города Москвы («<http://www.mos-gorsud.ru>», материал № ...)). В связи с самовольным покиданием адвокатом К. судебного заседания 13 ноября 2019 года, оно было вновь назначено на 15 ноября 2019 года и разрешено в этом же заседании с вынесением апелляционного постановления. Таким образом, трехсуточный (с момента поступления материала в ... суд) срок рассмотрения жалобы судом апелляционной инстанции был соблюден. При этом почти месячный (с

момента вынесения обжалуемого решения) срок рассмотрения апелляционной жалобы на постановление о продлении обвиняемому Т. срока содержания под стражей был обусловлен действиями сотрудников судов общей юрисдикции, но не поведением адвоката К.

Рассматривая мотивы действий адвоката К., Совет обращает внимание, что они не были недобросовестными: он действовал в интересах соблюдения принципа корпоративности и не желая препятствовать обвиняемому Т. в реализации его права на свободный выбор защитника. Совет признает установленным, что адвокат К. не преследовал цель срыва судебного заседания и/или умышленного затягивания производства по уголовному делу. Дефицит времени для принятия правильного и обоснованного решения, вызванный необходимостью скорейшего ознакомления с материалами и общения с защитником Т. по соглашению – адвокатом Г. без объявления перерыва прямо в судебном заседании, а также обнаружившиеся в ходе ознакомления нарушения уголовно-процессуального закона в виде отсутствия переведенного на родной язык обвиняемого обжалуемого постановления и затруднения в общении с ним в условиях видеоконференцсвязи, обусловили не до конца продуманные действия адвоката К., не повлекшие за собой каких-либо негативных последствий для заявителя или обвиняемого.

Само по себе самовольное покидание адвокатом зала судебного заседания в сложившейся ситуации не умаляет авторитет адвокатуры, а при наличии законных оснований для этого свидетельствует о независимости адвокатуры как института гражданского общества.

Изложенные выше обстоятельства позволяют Совету признать формальный дисциплинарный проступок адвоката К. малозначительным, не порочащим его честь и достоинство, не умаляющим авторитет адвокатуры и не причинивший какого-либо вреда доверителю – обвиняемому Т. или Адвокатской палате города Москвы.

Пункт 2 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает, что не может повлечь применение мер дисциплинарной ответственности действие (бездействие) адвоката, формально содержащее признаки нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, однако в силу малозначительности не порочащее честь и достоинство адвоката, не умаляющее авторитет адвокатуры и не причинившее существенного вреда доверителю или адвокатской палате.

Учитывая совокупность установленных обстоятельств, Совет считает необходимым прекратить дисциплинарное производство вследствие малозначительности совершенного адвокатом К. проступка, указав ему на допущенное нарушение.